9(С)1
Л553

К-1-89-39
малосодержит

Либрович С. Ф.

Царь или не царь?

Спб.; М.
1911

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

316 до	8/II 47			
485	7/VIII 57			

Зак. 4226. Утильцех 1-й Образцовой тип. Москва

Международная
Московская

ЦАРЬ ДИМИТРІЙ I ІОАННОВИЧЪ.

Картина А. А. Карелина.

9(с)1
Л553
Э.К.

ЦАРЬ ИЛИ НЕ ЦАРЬ?

...

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

...

С. Ф. Либровича

176600

СО СНИМКАМИ СЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КАРТИНЪ, ПОРТРЕТОВЪ МЕДАЛЕЙ, МОНЕТЪ, ГРАМОТЪ И ПР. И ПР.

Межрубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Изданіе
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Пбургъ • Москва •
1911

[фронт.]

9(a)

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ · Вас·Остр·16 линія соб·домъ
1911

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторической жизни Россіи много еще недосказанныхъ, невыясненныхъ достаточно, загадочныхъ страницъ, много фактовъ, покрытыхъ таинственной завѣсой, которую тщетно стараются приподнять ученые изслѣдователи. Но едва ли въ исторіи русскаго прошлаго есть событіе, болѣе странное, болѣе таинственное по своей обстановкѣ и, въ то же время, болѣе богатое своими послѣдствіями, чѣмъ появленіе въ началѣ XVII вѣка человѣка, занявшаго московскій престолъ подъ именемъ Димитрія Перваго Іоанновича.

Триста съ лишкомъ лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ этого событія, и за это время много было сдѣлано попытокъ разгадать историческую тайну, окружающую столь важный эпизодъ русской исторіи, много было попытокъ отвѣтить на вопросъ: кто былъ человѣкъ, передъ которымъ русскій народъ въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ преклонялся, какъ передъ своимъ царемъ, и котораго потомъ объявилъ обманщикомъ?

И въ строго научныхъ трудахъ, и въ популярныхъ историческихъ очеркахъ, въ книгахъ для народа, въ учебникахъ по русской исторіи, въ повѣ-

стяхъ и романахъ, въ трагедіяхъ и драмахъ, наконецъ, въ книгахъ для юношества высказывались и высказываются самыя разнообразныя мнѣнія о личности Димитрія. И читатель, кто бы онъ ни былъ, взрослый или юноша, и къ какому бы слою общества ни принадлежалъ, невольно задаетъ себѣ вопросъ, кто же былъ этотъ странный человѣкъ и какая причина столь разнорѣчивыхъ о немъ мнѣній?

Не задаваясь цѣлью дать полную лѣтопись событій, сопровождавшихъ царствованіе Димитрія I, или объяснить самый успѣхъ его затѣи, я поставилъ себѣ задачею собрать и изложить популярно различныя сказанія, легенды, слухи, догадки, предположенія и пр., которые были высказаны и современниками, и позднѣйшими учеными объ его личности и происхожденіи и которые, до извѣстной степени, могутъ служить объясненіемъ, почему именно такъ трудно отвѣтить на вопросъ—кто былъ человѣкъ, получившій въ исторіи названіе Лжедимитрія.

Кромѣ того, мною собраны въ этой книгѣ всѣ извѣстные портреты этого загадочнаго человѣка, картины, изображающія разные эпизоды его жизни, образцы его почерка, снимки съ его писемъ, грамотъ и пр., и пр.—т. е. все то, что, такъ или иначе, можетъ представлять интересъ для его характеристики.

I.

Димитрій I Іоанновичъ, царь московскій.

БЫЛЪ 1605 годъ.

Въ жаркій, солнечный лѣтній день, 20 іюня, Москва торжественно и шумно, подъ звонъ колоколовъ и ликующіе крики народа встрѣчала новаго царя—Димитрія Іоанновича, приближавшагося къ столицѣ во главѣ большого войска.

Духовенство съ иконами и хоругвями ожидало молодого царя на Красной площади, а народъ толпами заполнилъ всѣ улицы, всѣ дороги, которыя вели въ Кремль, покрылъ крыши домовъ и колокольни.

То тутъ, то тамъ появлялись князь Василій Рубецъ-Масальскій и дьякъ Богданъ Сутуповъ, на которыхъ была возложена обязанность подготовить столицу къ царскому въѣзду, и указывали путь, по которому Димитрій Іоанновичъ прослѣдуетъ въ соборы, прежде же всего въ Архангельскій—помолиться у гроба своихъ предковъ.

Нетерпѣніе народа, жаждавшаго увидать давно жданнаго царя, росло съ часу на часъ.

Ровно въ полдень показалось, наконецъ, длинное ше-

ствіе. Впереди ѣхали верхомъ сопровождавшіе новаго царя польскіе латники, въ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, за ними польскіе паны въ контушахъ и конфедераткахъ, далѣе разные знатные нѣмецкіе и другіе иностранные люди, къ которымъ примыкали польскіе музыканты, игравшіе на трубахъ, литаврахъ и барабанахъ. Далѣе шли пѣшіе стрѣльцы, а за стрѣльцами медленно двигались царскія кареты. За каретами,—верхомъ на лошадяхъ, дворяне, дѣти боярскія въ роскошныхъ праздничныхъ кафтанахъ, московскіе военные музыканты и московскіе служилые люди. Затѣмъ слѣдовало духовенство въ золотыхъ ризахъ, несли хоругви, иконы, евангеліе. За иконами ѣхалъ патріархъ Игнатій, а за патріархомъ въ роскошномъ, шитомъ золотомъ платьѣ, на красивомъ бѣломъ конѣ, въ богатой сбруѣ, слѣдовалъ самъ царь. Его окружали цѣлой толпой бояре и окольничіе. За царемъ въ каретѣ ѣхали двое знатнѣйшихъ московскихъ бояръ, князь Мстиславскій и князь Василій Шуйскій, а за ними въ пестрыхъ нарядахъ—конные казаки, татары, опять поляки. Шествіе замыкали огромныя толпы народа.

Доѣхавъ до Красной площади, новый царь слѣзъ съ коня и направился пѣшкомъ въ Архангельскій соборъ. Народъ впился глазами въ молодого царя: роста ниже средняго, съ круглымъ, смуглымъ лицомъ и сумрачнымъ взглядомъ маленькихъ глазъ, съ русыми волосами, безъ усовъ и безъ бороды, онъ привѣтливо кланялся во всѣ стороны въ отвѣтъ на громкіе клики восторга, которые почти заглушали звонъ колоколовъ.

— Вотъ онъ, наше ясное солнышко, государь нашъ батюшка!—говорили въ народѣ.

— Да здравствуетъ государь!—раздавалось отовсюду.

Однако далеко не всѣ одинаково радостно встрѣчали

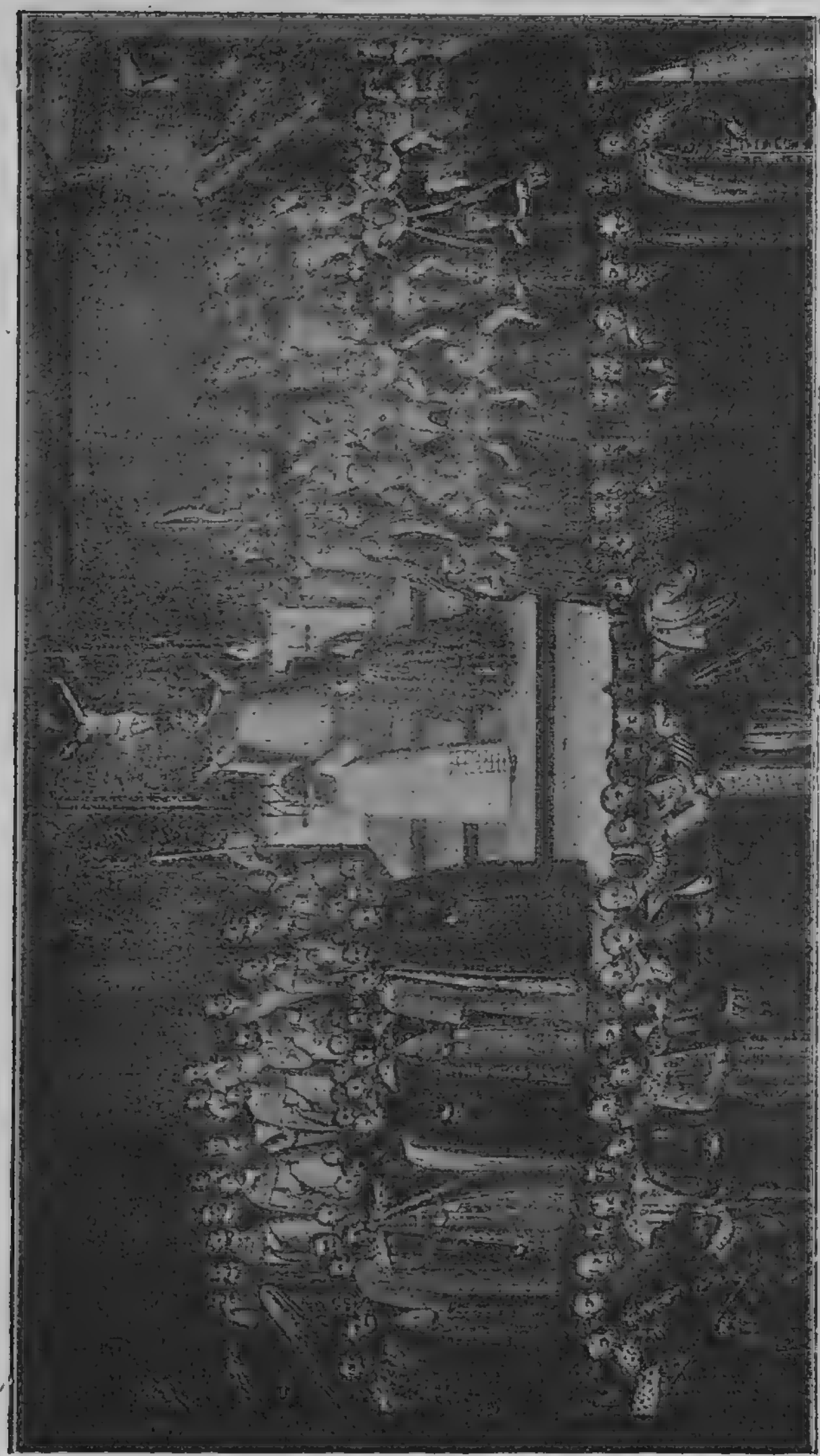
новаго царя: были и такіе, которые высказывали сомнѣніе, на самомъ ли дѣлѣ тотъ, кто называетъ себя Димитріемъ Іоанновичемъ, тотъ, котораго такъ торжественно встрѣчалъ народъ московскій,—подлинный царь, т.-е.

ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ ПЕРВАГО,
написанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ XVII вѣка и хранившійся въ Вишневецкомъ замкѣ, а нынѣ находящійся въ Московскомъ историческомъ музеѣ.

сынъ царя Іоанна Васильевича, царевичъ Димитрій. Многіе хорошо помнили 1591 годъ, когда до Москвы дошло страшное извѣстіе, что царевичъ Димитрій, въ то время девятилѣтній ребенокъ, зарѣзанъ въ Угличѣ подосланными будто бы Борисомъ Годуновымъ людьми, и что этимъ убійствомъ Борисъ,—

...о время «правая рука» царя Ѳеодора Іоанновича и первое послѣ него лицо въ государствѣ,—хотѣлъ очистить для себя дорогу къ престолу, устранивъ опаснаго соперника. Извѣстіе это впослѣдствіи передавали иначе: говорили, что царевичъ не то самъ зарѣзался, не то накололся на ножъ во время игры или въ припадкѣ падучей болѣзни и что Годуновъ въ смерти царевича неповиненъ. Какъ никакъ—но тогда были всѣ убѣждены, что царевичъ умеръ. И вдругъ, послѣ 15-ти лѣтъ, оказывается, что тотъ, котораго считали мертвымъ, живъ и ѣдетъ въ Москву занять родительскій престолъ! Возможно ли это?

Слухи, будто царевичъ Димитрій живъ, спасся, стали раздаваться въ Москвѣ еще въ 1598 году, т.-е. въ первый же годъ правленія Бориса Годунова. Тогда говорили, что въ Угличѣ убитъ былъ другой мальчикъ, котораго и похоронили подъ именемъ царевича Димитрія, между тѣмъ какъ настоящій царевичъ укрылся въ какомъ-то монастырѣ, опасаясь преслѣдованій со стороны Годунова. Но этимъ слухамъ не вѣрили, думали, что ихъ распускаютъ враги и завистники Бориса. Прошло нѣсколько лѣтъ и до Москвы дошла молва, что въ предѣлахъ Польши появился юноша, называвшій себя царевичемъ Димитріемъ, что этотъ юноша—тотъ самый, который скрывался въ монастырѣ, и что онъ и хлопочетъ о томъ, чтобы король польскій далъ ему средства и войско отнять прародительскій престолъ, незаконно захваченный будто бы Борисомъ Годуновымъ. Но и этой молвѣ въ Москвѣ не придавали значенія и были убѣждены въ томъ, что этотъ юноша—просто самозванецъ, обманщикъ, выдающій себя за царевича. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и вотъ, въ октябрѣ 1604 г., тотъ, котораго считали самозванцемъ и обманщикомъ, собравъ вокругъ себя сильное и многочисленное



ОБРУЧЕНІЕ ДИМИТРІЯ СЪ МАРИНОЮ МНИШЕКЪ ВЪ КРАКОВѢ, 26 НОЯБРЯ 1605 ГОДА, ПРИ ЧЕМЪ ЗАМѢСТИТЕЛЕМЪ ДИМИТРІЯ БЫЛЪ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИМЪ БОЯРИНЪ АФАНАСІЙ ВЛАСЬЕВЪ.
Картина, находящаяся въ Московскомъ историческомъ музеѣ.

войско и одержавъ рядъ побѣдъ надъ арміею Годунова, двинулся къ Москвѣ..

Между тѣмъ, вѣсть о чудесномъ появленіи царевича, проникнувъ въ московскія земли, вызвала тамъ давно бродившее въ народѣ желаніе избавиться отъ «пришлаго» царя, Бориса Годунова, и замѣстить его «прирожденнымъ государемъ». Обаяніе имени спасеннаго царевича Димитрія и недовольство Годуновымъ заставили сразу примкнуть многія тысячи русскихъ къ полчищамъ иноземцевъ, собравшимся вокругъ неожиданно появившагося юноши.

Цѣлый рядъ городовъ, какъ-то Моравскъ, Черниговъ, Рыльскъ, Путивль, Курскъ, быстро, одинъ за другимъ, передавались явившемуся изъ Польши царевичу. Народъ встрѣчалъ его съ хлѣбомъ-солью, а воеводы отворяли ворота и присоединяли свои войска къ его войску. Только подъ Новгородъ-Сѣверскомъ войска Бориса Годунова, во главѣ съ воеводою Басмановымъ, не захотѣли подчиниться Димитрію и заставили его отступить. Чтобы поправить свои дѣла и очистить себѣ дальше путь къ Москвѣ, Димитрій вступилъ въ бой съ царскими войсками, близъ г. Сѣвска. Разбитый на голову, онъ бѣжалъ и укрылся временно въ Путивлѣ. Туда къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ русскіе люди—казаки, стрѣльцы, дворяне, дьяки. Одни приносили оружіе, другіе—деньги, привозили даже пушки и всѣ отдавались ему на службу, предлагая ему вновь двинуться противъ царскихъ войскъ. Внезапная смерть Бориса Годунова, переходъ его арміи на сторону Димитрія, убійство вступившаго на престолъ сына Бориса, царя Ѳеодора, и его матери—освободили престолъ для мнимаго царевича Димитрія и помогли ему достигнуть завѣтной его цѣли. Народъ и бояре, за немногими исключеніями, встрѣтили его какъ своего законнаго царя, торжественно ввели его въ столицу; духовенство его благословило; царица Марѳа, вдова Іоанна Грознаго, со слезами

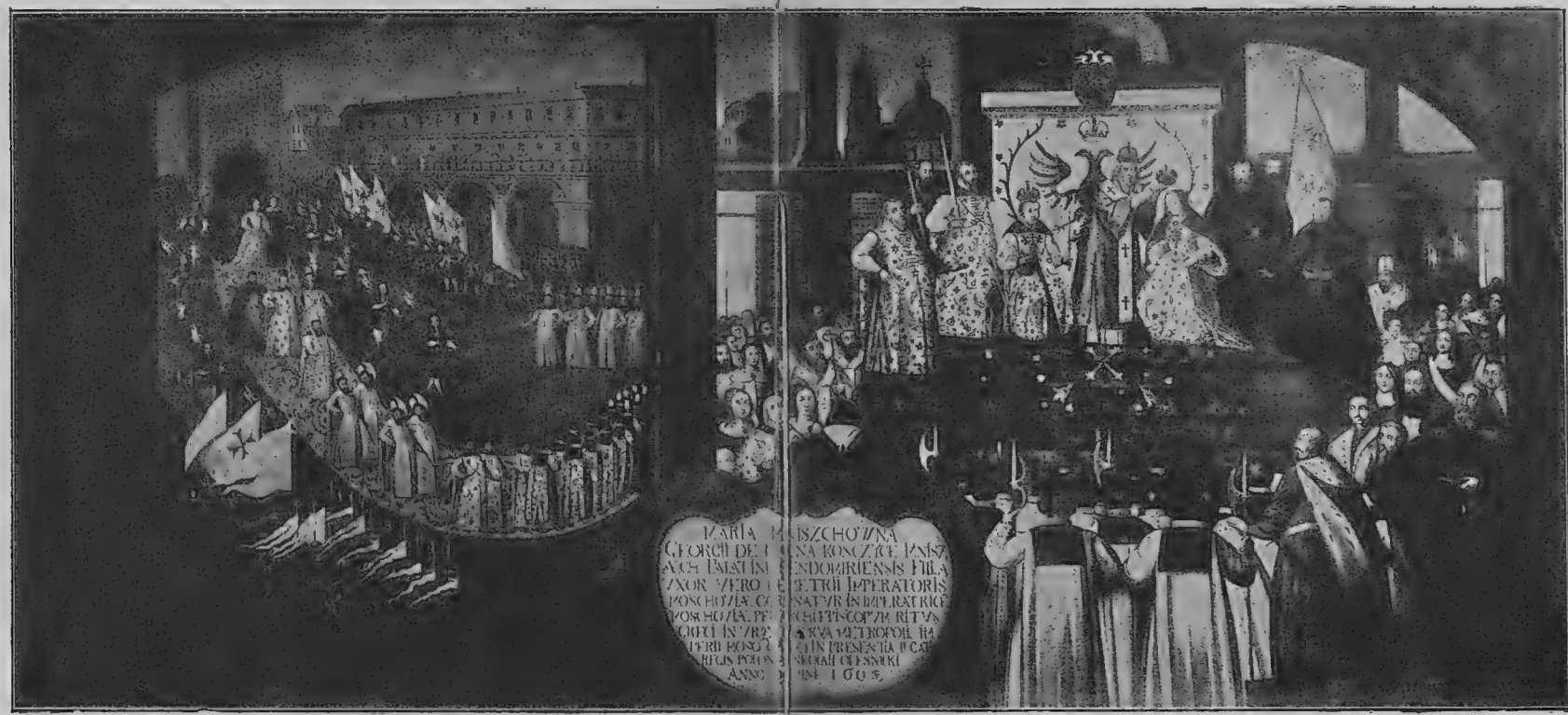
Современная картина, написанная по заказу Димитрія и находящаяся въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ.

ВЪѢЗДЪ НЕВѢСТЫ ДИМИТРІЯ МАРИНЫ МНИШЕКЪ ВЪ МОСКВУ.

прижала его къ груди, какъ чудесно спасшагося сына... Бояринъ Василій Шуйскій всенародно говорилъ, что Димитрій—истинный царь, спасшійся въ Угличѣ ребенкомъ;

другой знатный бояринъ Богданъ Бѣльскій, выйдя на Красную площадь, тоже всенародно подтвердилъ, что прибывшій въ Москву царь—есть дѣйствительно сынъ Іоанна

тому обычаю, вѣнчался короною Мономаха, а въ 1606 г., считая свое положеніе прочнымъ, вызвалъ изъ Кракова свою невѣсту, дочь сандомирскаго воеводы Мнишека, Марину,



КОРОНОВАНІЕ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.
Современная картина, находящаяся въ Московскомъ историческомъ музеѣ.

Грознаго, и въ знакъ вѣрности своихъ словъ поцѣловалъ крестъ. Такимъ образомъ, если и былиу кого-нибудь сомнѣнія насчетъ «подлинности» Димитрія, они должны были исчезнуть.

Спустя мѣсяцъ, 21 іюля 1605 г., новый царь, по принятому обычаю, вѣнчался короною Мономаха, а въ 1606 г., считая свое положеніе прочнымъ, вызвалъ изъ Кракова свою невѣсту, дочь сандомирскаго воеводы Мнишека, Марину, обвѣнчался съ ней и возложилъ на ея голову московскую корону, въ присутствіи духовенства, бояръ, всѣхъ знатныхъ московскихъ людей и ликовавшаго народа.

И сталъ на Руси царствовать новый царь Димитрій Іоанновичъ.

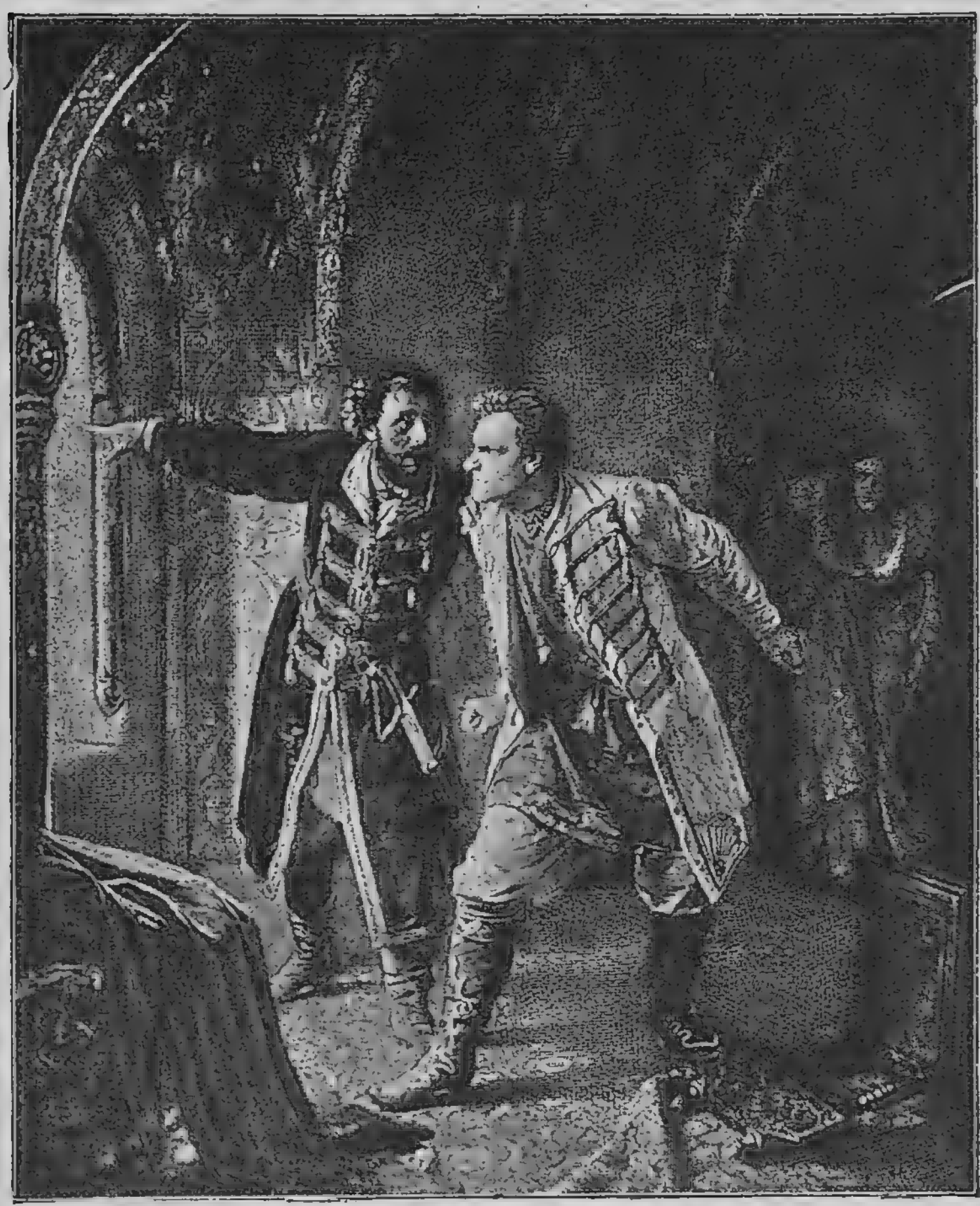
«Мы, пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ, Димитрій Іоанновичъ, Божіею Милостію Императоръ и Великій Князь всея Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ Московской монархіи покоренныхъ областей Государь и Царь»,—такъ начинались всѣ грамоты,

МАРИНА МНИШЕКЪ, СУПРУГА ДИМИТРІЯ.
Портретъ, хранившійся въ Вишневецкомъ замкѣ.

всѣ указы и приказы новаго царя, и народъ подчинялся имъ безпрекословно, считая, что на престолѣ возсѣдаетъ истинный царь.

Но и года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ тотъ самый народъ, который радостно встрѣчалъ Димитрія Іоанновича кликами восторга и колокольнымъ звономъ, признавая въ

немъ царя и великаго князя московскаго, а слѣдовательно и своего монарха,—объявилъ его обманщикомъ, само-

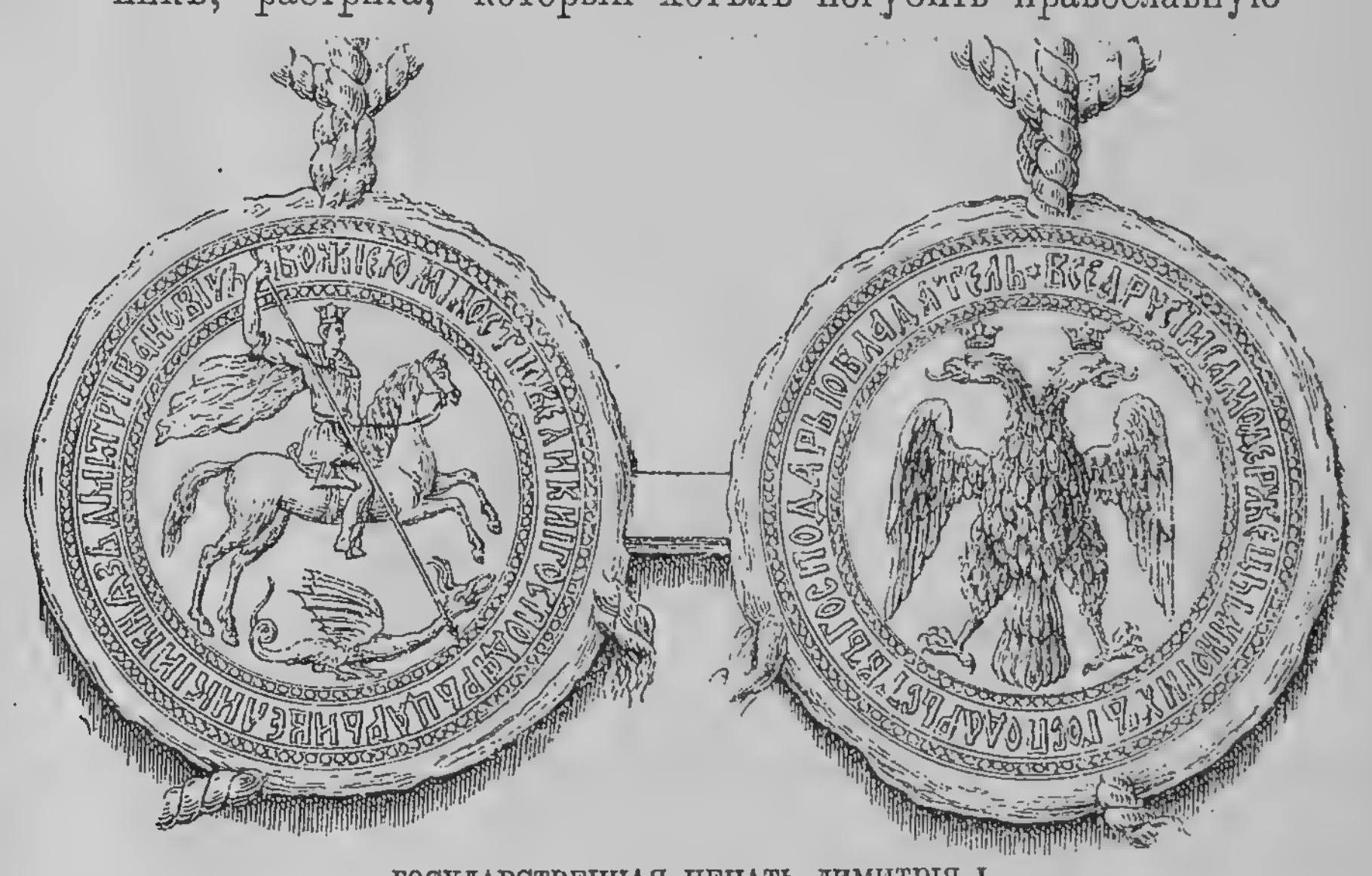


ДИМИТРІЙ ВИДИТЪ ВРЫВАЮЩУЮСЯ ВО ДВОРЕЦЪ ТОЛПУ ВЪ НОЧЬ НА 17 МАЯ 1606 г.

Съ картины Венига.

званцемъ. Ворвавшіеся во дворецъ, въ ночь съ 16 на 17 мая 1606 г., заговорщики схватили пытавшагося спу-

ститься на улицу по лѣсамъ черезъ окно и упавшаго на земь Димитрія, поволокли его во дворецъ, стали надъ нимъ, еле живымъ, издѣваться и убили его. Бояре, не такъ давно клявшіеся, что они считаютъ Димитрія истиннымъ царемъ, говорили теперь: «чортъ онъ, не царевичъ» (слова кн. Василія Шуйскаго), еретикъ, безбожникъ, растрига, который хотѣлъ погубить православную

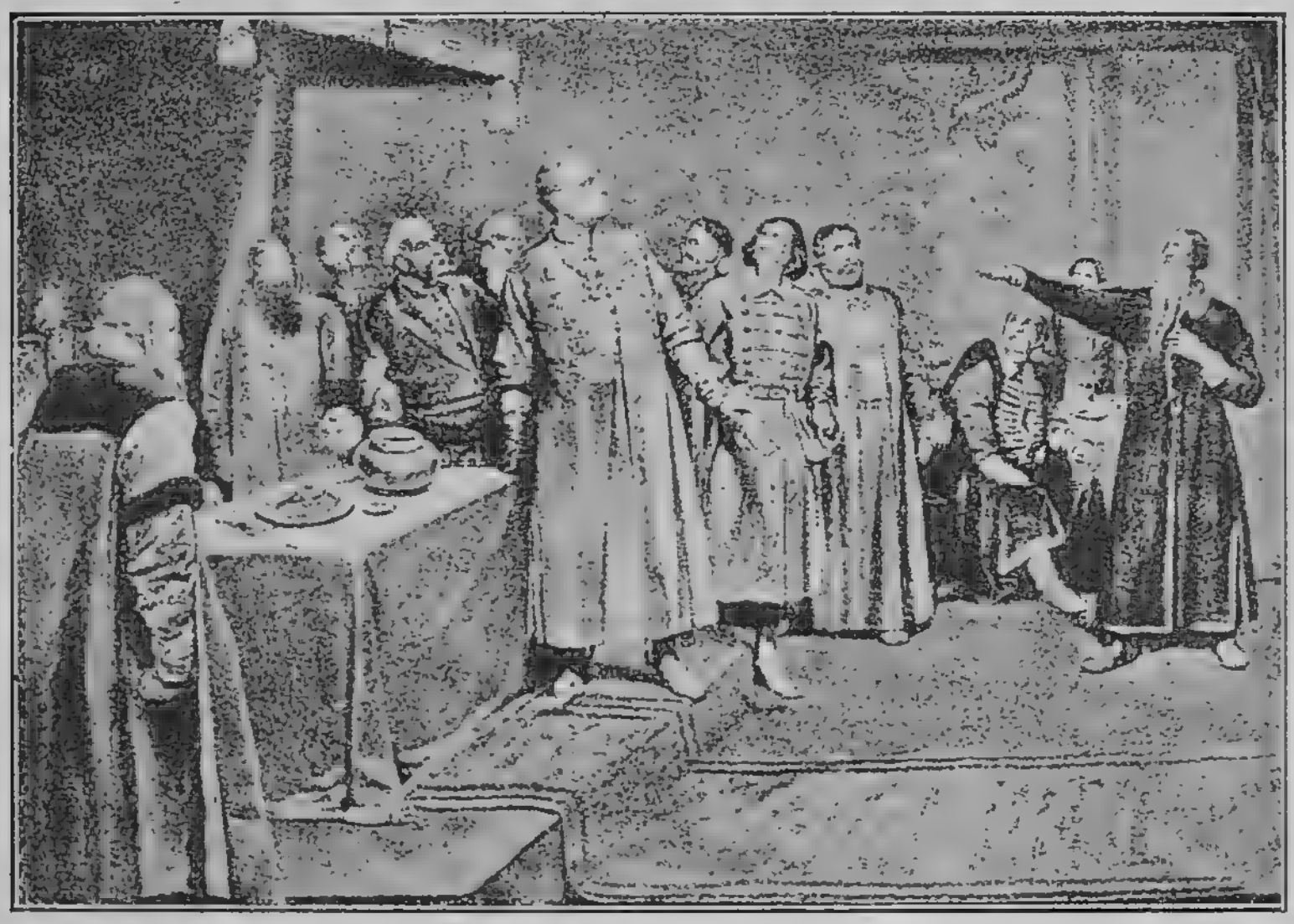


ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ДИМИТРІЯ I,
которой скрѣплены государственные акты издававшіеся имъ.

вѣру; а царица-вдова, инокиня Марѳа, всенародно клялась, что она лишь изъ страха за свою жизнь признала обманщика-самозванца за своего сына... Тѣло убитаго недавняго «царя» сожгли на площади и, зарядивъ пепломъ пушку, выстрѣлили въ ту сторону, откуда онъ пришелъ...

Кто же былъ человѣкъ, процарствовавшій въ Москвѣ съ 20 іюня 1605 по 16 мая 1606 года, т.-е. одиннадцать мѣсяцевъ, подъ именемъ Димитрія Іоанновича? Былъ ли это царь

или не царь? Былъ это дѣйствительно сынъ царя Іоанна Грознаго, спасшійся царевичъ Димитрій, или же это былъ обманщикъ, самозванецъ, выдававшій себя за царя? А если обманщикъ, то кто именно скрывался подъ именемъ царя Димитрія Іоанновича?



ДЬЯКЪ ТИМОФЕЙ ОСИПОВЪ ОБЛИЧАЕТЪ ДИМИТРІЯ ВЪ САМОЗВАНСТВѢ.
Съ рис. Лебедева.

Отвѣтить на этотъ вопросъ было трудно — не только современникамъ, но и послѣдующимъ поколѣніямъ. Несмотря на цѣлый рядъ историческихъ изысканій, вопросъ о томъ, вступилъ ли на престолъ московскій въ 1605 г. настоящій царевичъ Димитрій, спасшійся въ дѣтствѣ въ Угличѣ, или же какой-то неизвѣстный юноша, выдававшій себя за царя,—остается до сихъ поръ спорнымъ. Достовѣрныхъ историческихъ документовъ, которые подтверждали бы окончательно то или другое мнѣніе, не на-

шлось. Вообще, исторія того человѣка, который царствовалъ въ Москвѣ подъ именемъ царя Димитрія I Іоанновича, раздѣляется на двѣ части: одна—достовѣрная, несомнѣнная, другая—загадочная, спорная. Достовѣрная начинается съ того момента, когда въ предѣлахъ польскаго государства появился молодой человѣкъ, заявившій, что онъ спасшійся отъ убійцъ царевичъ Димитрій; загадочными

СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ ВРЕМЕНЪ ДИМИТРІЯ ПЕРВАГО.
Этотъ рубль, съ изображеніемъ Димитрія, раздавали народу послѣ вѣнчанія Димитрія на царство.

и спорными остаются всѣ событія, предшествовавшія этому факту.

Въ то время, какъ нѣкоторые ученые историки готовы признать въ Димитріѣ Іоанновичѣ настоящаго, подлиннаго царевича Димитрія, другіе пришли къ заключенію, что человѣкъ, царствовавшій подъ именемъ Димитрія I, не имѣлъ ничего общаго съ царевичемъ, не былъ и не могъ быть сыномъ царя Іоанна Грознаго, и что подъ именемъ Димитрія появился какой-то безвѣстный юноша.

Еще болѣе спорнымъ является вопросъ о томъ, кто же именно былъ этотъ юноша, кто былъ тотъ, котораго исто-

рія назвала Лжедимитріемъ, Димитріемъ Самозванцемъ, Димитріемъ I Ложнымъ? Откуда явился этотъ человѣкъ,

УБІЙСТВО ДИМИТРІЯ ПЕРВАГО.
Рисунокъ Н. Дмитріева-Оренбургскаго.

такъ легко завладѣвшій московскимъ престоломъ? Принадлежалъ ли онъ къ какому-нибудь знатному боярскому роду или же вышелъ изъ простого народа? Былъ ли онъ

природный москвичъ или же иноземецъ? Былъ ли онъ самъ убѣжденъ, что онъ сынъ царя, или же онъ зналъ, что онъ не царевичъ? Дѣйствовалъ ли онъ самостоятельно или же былъ только орудіемъ въ чужихъ рукахъ? И кто, въ послѣднемъ случаѣ, подговорилъ его и научилъ выдавать себя за царя московскаго? Наконецъ, съ какою цѣлью это было сдѣлано?

На этотъ счетъ существуетъ много самыхъ разнообразныхъ предположеній и догадокъ, слуховъ и легендъ, сказаній и преданій, разобраться въ которыхъ тщетно старается историческая наука.

II.

Сказаніе о спасенномъ царевичѣ Димитріѣ.

Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, сына Іоанна Грознаго, 15 мая 1591 года, случилось въ городѣ Угличѣ загадочное происшествіе.

Жилъ тогда въ Угличѣ въ опалѣ у правителя государства, Бориса Годунова, девятилѣтній царевичъ Димитрій, младшій сынъ царя Іоанна Грознаго и его седьмой супруги Маріи Ѳеодоровны Нагой. Съ нетерпѣніемъ ждала царица и ея братья совершеннолѣтія царевича, чтобъ занять подобающее положеніе въ Москвѣ. Это было извѣстно Борису Годунову, правившему государствомъ за слабоумнаго Ѳеодора. Борисъ опасался, что родственники Димитрія отнимутъ у него власть, провозгласятъ царемъ Димитрія, его-же, Годунова, подвергнутъ опалѣ и лишатъ возможности проложить себѣ дорогу къ престолу послѣ бездѣтнаго Ѳеодора, о чемъ властолюбивый Борисъ мечталъ уже давно. И вотъ, онъ рѣшилъ устранить со своей дороги

опаснаго соперника и отправилъ въ Угличъ преданныхъ ему дьяка Михаила Битяговскаго, съ сыномъ Даніиломъ и

ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ ІОАННОВИЧЪ.

Портретъ, помѣщенный въ собраніи портретовъ русскихъ государей, т. н. «Корнѣ Россійскихъ государей» (извѣстномъ также подъ названіемъ «Царскаго титулярника»), изготовленномъ по приказу Царя Алексѣя Михайловича въ началѣ 70-хъ годовъ XVII столѣтія.

племянникомъ Никитой Качаловымъ. Этимъ людямъ было поручено убить царевича. Въ заговорѣ принялъ участіе еще

сынъ мамки царевича, Осипъ Волоховъ. Выбравъ подходящій моментъ, когда царевичъ игралъ на дворѣ, Волоховъ нанесъ царевичу ударъ ножомъ; царевичъ упалъ; преданная ему кормилица прикрыла его и стала кричать. Битяговскій, сынъ его и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили кормилицу, оттащили отъ ребенка и опять ранили. На

СВ. ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ.

Съ иконы Симона Ушакова.

крикъ кормилицы выбѣжала изъ дворца царица-мать и съ раздирающими душу криками упала на тѣло своего сына. Соборный пономарь, бывшій въ это время на колокольнѣ, видѣлъ совершившееся и ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ. Узнавъ отъ царицы, что царевича убили подосланные Годуновымъ люди, народъ убилъ обоихъ Битяговскихъ, Качалова и Волохова.

Но царевичъ,—такъ говоритъ преданіе,—не былъ убитъ. Его успѣла спасти кормилица, а дьяки Щелкаловы въ гробъ положили другого мальчика, опасаясь, что Годуновъ, узнавъ о спасеніи царевича, опять подошлетъ убійцъ.

ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ.
Фреска Ѳ. Р. Райляна въ варшавскомъ православномъ соборѣ.

Годуновъ утверждалъ, что весь разсказъ о подосланныхъ имъ убійцахъ—сущая клевета со стороны его враговъ, и велѣлъ назначить слѣдствіе, которое показало будто-бы, что царевичъ вовсе не былъ убитъ, а, играя въ «тычку», самъ наткнулся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни; но народъ этому не повѣрилъ и считалъ Годунова виновникомъ убійства.

Тѣмъ временемъ спасеннаго царевича укрыли у одного боярскаго сына въ Москвѣ. По совѣту послѣдняго, царевичъ, опасаясь, что шпіоны Годунова могутъ разыскать его, укрылся въ монастырѣ среди чернецовъ, а затѣмъ

УБІЕНІЕ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.
Картина П. Ѳ. Плѣшанова.

отправился странствовать въ одеждѣ инока, выдавая себя за монаха и принявъ чужое имя. Переходя изъ одной обители въ другую, онъ добрался въ 1603 г. до Кіевской земли и тамъ, снявъ рясу, поступилъ въ услуженіе къ князю Вишневецкому, въ Брагинѣ.

Здѣсь онъ заболѣлъ и, живя у польскаго вельможи, попросилъ священника исповѣдать и причастить его передъ смертью. Священнику этому онъ сказалъ:

ДВОРЕЦЪ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ ВЪ УГЛИЧѢ.

— Если я умру, похороните меня съ честью, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей.

Священникъ удивился и спросилъ:

— Почему?

— Я тебѣ этого не открою,—отвѣтилъ тотъ.—Но послѣ моей смерти возьми у меня подъ постелью бумагу. Это грамота. Изъ нея ты узнаешь, кто я такой. Но никому объ этомъ не говори.

Священникъ, однако, сейчасъ же разсказалъ князю Вишневецкому. Тотъ пришелъ къ больному, но ничего отъ него не добился. Тогда достали изъ-подъ постели грамоту и прочитали, что больной слуга — сынъ московскаго царя Іоанна IV, Димитрій, тотъ самый, котораго считали убитымъ въ Угличѣ.

Когда юноша выздоровѣлъ, его стали допрашивать, и онъ подтвердилъ, что онъ дѣйствительно царевичъ Димитрій, при чемъ показалъ дорогой крестъ, возложенный будто бы на него при крещеніи въ Москвѣ крестнымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ.

Князь Вишневецкій повѣрилъ разсказу.

Вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними польскими вельможами, которые и рѣшили помочь царевичу занять московскій престолъ.

III.

«Извѣтъ» о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Въ числѣ слугъ, или, какъ тогда называли, холоповъ, бояръ Романовыхъ жилъ около 1600 года Юрій Отрепьевъ, сынъ стрѣлецкаго сотника изъ города Галича, Богдана Отрепьева.

Жилъ онъ на службѣ сначала у Романовыхъ, затѣмъ у ихъ свойственника князя Бориса Черкасскаго, еще съ

дѣтства. Мальчикъ былъ некрасивый лицомъ, но очень смѣлый, сильный, умный и дерзкій, и рѣзко выдѣлялся среди окружавшихъ его.

Почему то мальчикъ сталъ усердно разспрашивать у всѣхъ подробности, касавшіяся загадочной смерти царевича Димитрія въ Угличѣ. Объ этомъ донесли Борису

ТѢЛЬНЫЙ КРЕСТЪ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ,
хранящійся въ Богоявленскомъ монастырѣ въ Угличѣ.

Годунову, который постоянно подозрѣвалъ, что враги умышляютъ что то противъ него, и подвергалъ ссылкѣ и опалѣ всѣхъ заподозриваемыхъ. Разспросы мальчика показались Годунову подозрительными. Мальчикъ узналъ о доносѣ и, опасаясь преслѣдованій со стороны Годунова, бѣжалъ, постригся въ монахи подъ именемъ Григорія и,

переходя изъ монастыря въ монастырь, попалъ въ Чудовъ монастырь въ Москвѣ, а затѣмъ на патріаршій дворъ въ дьяки, для письменныхъ работъ. Патріархъ Іовъ очень полюбилъ его, потому что Григорій былъ юноша грамотный и умный. Какъ то разъ, Григорій сказалъ другимъ монахамъ: «знаете ли, что я буду царемъ московскимъ». Донесли объ этомъ патріарху; тотъ велѣлъ дерзкаго инока сослать въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь.

Григорій успѣлъ бѣжать въ Галичъ, потомъ въ Муромъ и, вернувшись вновь въ Москву, въ 1602 г. отправился оттуда вмѣстѣ съ нѣкимъ инокомъ Варлаамомъ въ Кіевъ, въ Печерскій монастырь, и намѣревался перебраться дальше въ польско-литовскія владѣнія, при чемъ чуть не былъ схваченъ московскими приставами, которымъ правительствомъ Годунова поручено было слѣдить за всѣми выходцами и не допустить бѣгства растриги, выдававшаго себя за царевича. Отрепьевъ успѣлъ бѣжать отъ приставовъ, выскочивъ въ окно корчмы, когда пристава признали въ немъ того именно человѣка, котораго имъ велѣно было задержать. Спасшись, Отрепьевъ направился въ Запорожскую сѣчь, гдѣ научился ратному дѣлу, потомъ перешелъ въ Островъ къ князю Константину Острожскому, затѣмъ поступилъ въ школу въ Гощѣ, гдѣ выучился латинскому и польскому языкамъ, и, наконецъ, поступилъ на службу къ князю Адаму Вишневецкому, которому, притворившись больнымъ, впервые и объявилъ о своемъ якобы царскомъ происхожденіи, при чемъ въ доказательство показалъ бывшій на груди его драгоцѣнный крестъ съ мощами и какую то грамоту, въ которой значилось, что онъ—Димитрій царевичъ, спасшійся отъ убійцъ въ Угличѣ.

БѢГСТВО ГРИШКИ ОТРЕПЬЕВА ИЗЪ КОРЧМЫ НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.
Картина Г. Г. Мясоѣдова.

...комъ видѣ передавался разсказъ о происхожденіи ...рія Самозванца послѣ его смерти правительствомъ ...я Василія Шуйскаго, которое опиралось при этомъ на показаніе или «извѣтъ» упомянутаго инока Варлаама.

IV.

Сказаніе о мальчикѣ Леонидѣ.

Въ концѣ XVI вѣка, жилъ въ Москвѣ, на попеченіи у вдовы Варвары Отрепьевой, неизвѣстнаго происхожденія мальчикъ-сирота, по имени Леонидъ. Вдова называла его своимъ сыномъ, сама учила грамотѣ, заботилась о немъ, точно о своемъ родномъ ребенкѣ. Но мальчику почему то не нравилось въ домѣ Отрепьевой. Онъ ушелъ отъ нея. Скитаясь по Москвѣ, мальчикъ встрѣтилъ игумена Трифона, основателя, а затѣмъ архимандрита Успенскаго монастыря въ городѣ Хлыновѣ (нынѣ Вяткѣ). Трифонъ уговорилъ мальчика постричься въ монахи, самъ постригъ его, на 14-омъ году жизни, и сдѣлалъ его келейникомъ-служкою въ Чудовомъ монастырѣ. Проживъ болѣе года въ этомъ монастырѣ, юный монахъ попадаетъ къ патріарху Іову на патріаршій дворъ для писанія книгъ. Тутъ то онъ сталъ усердно разспрашивать про разныя подробности, сопровождавшія смерть царевича Димитрія, и своими странными разспросами возбудилъ подозрѣніе Ростовскаго митрополита, который донесъ о немъ Борису Годунову. Тотъ велѣлъ тотчасъ же черезчуръ любопытнаго юнаго монаха сослать въ отдаленный Соловецкій монастырь. Но Леонидъ во-время узналъ объ ожидавшемъ его заточеніи и успѣлъ бѣжать въ Кіевъ, гдѣ сталъ дружить съ запорожскими казаками, затѣмъ перебрался

ко двору кіевскаго воеводы князя Константина Острожскаго. Пробывъ у послѣдняго полтора года, онъ исчезаетъ и появляется вновь въ Брагинѣ, у православнаго западно-русскаго вельможи Адама Вишневецкаго. Леонидъ

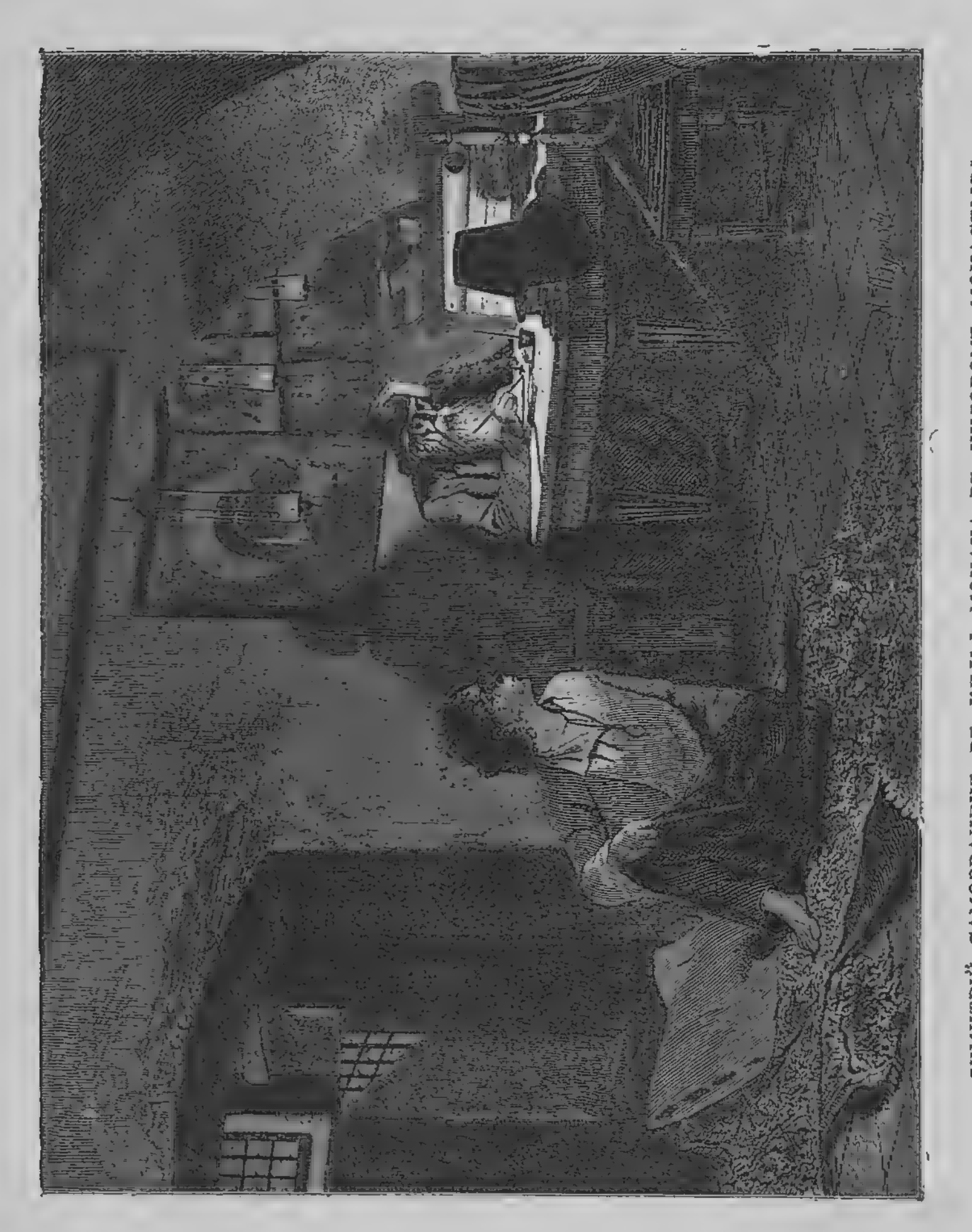
ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА,
гравированный въ 1605 году и помѣщенный въ польской брошюрѣ, изданной въ Краковѣ въ 1606 году, въ память обрученія Марины Мнишекъ съ замѣстителемъ Димитрія.

теперь уже не монахъ: онъ снялъ рясу и поступилъ въ число слугъ князя, который полюбилъ его за отвагу и умъ и приблизилъ къ себѣ. И вотъ здѣсь, въ Брагинѣ, бывшій инокъ, въ 1603 году, заявляетъ, что онъ Углицкій царевичъ, спасшійся отъ грозившей ему смерти. Князь Вишневецкій повѣрилъ разсказу и въ октябрѣ

того же 1603 года увѣдомилъ польскаго короля о чудесномъ спасеніи Димитрія и въ то же время отправилъ молодого искателя престола къ своему родственнику, князю Константину Вишневецкому, женатому на дочери сандомирскаго воеводы Юрія Мнишека, въ имѣніе Залосце на Волыни.

Князь Константинъ сначала было усомнился, дѣйствительно ли пріѣхавшій къ нему юноша—спасшійся московскій царевичъ, но когда въ Залосце явился нѣкто Петровскій, слуга польскаго посла въ Москвѣ, канцлера Льва Сапѣги, и по примѣтамъ на тѣлѣ призналъ въ Димитріи царевича, которому будто бы служилъ въ Угличѣ,—всѣ сомнѣнія князя исчезли, и онъ повезъ мнимаго царевича въ Краковъ, чтобы показать и представить королю польскому Сигизмунду. На пути въ Краковъ, Вишневецкій съ мнимымъ царевичемъ остановился у своего тестя, сандомирскаго воеводы Юрія Мнишека. Здѣсь слуга Мнишека, бывшій нѣкоторое время въ Москвѣ и будто бы знавшій царевича Димитрія, тоже подтвердилъ подлинность привезеннаго Вишневецкимъ юноши, подтвердилъ, что этотъ юноша и есть царевичъ Димитрій. Тогда въ Самборѣ возникла мысль женить будущаго московскаго царя на дочери Мнишека, Маринѣ, и помочь ему, оружіемъ, войскомъ и деньгами, свергнуть съ престола Годунова. Съ этой цѣлью рѣшено было свезти Димитрія въ Краковъ, представить польскому королю Сигизмунду и вліятельнымъ польскимъ вельможамъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Самборѣ, Димитрій вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и Мнишекомъ направился въ Краковъ, гдѣ нашлись еще какихъ то три монаха, свидѣтельствовавшихъ, что мнимый Димитрій на самомъ дѣлѣ царевичъ Углицкій. Однако король не могъ оказать Димитрію помощи, потому что

среди вельможъ многіе усомнились, дѣйствительно-ли Димитрій—царевичъ московскій. Послѣ представленія королю,



ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ ВЪ КЕЛЬЪ МОНАХА ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.
Картина А. А. Наумова.

Димитрій опять направился въ Самборъ къ Мнишеку, уже собравшему для него вооруженную силу, съ которой Димитрій и отправился добывать для себя московскій престолъ.

V.

Слухи о „выкормышѣ" Романовыхъ.

Когда въ 1598 г. соборъ избралъ на царство Бориса Годунова, многіе бояре остались этимъ очень недовольны. Особенно враждебно относились къ Борису бояре Романовы, которые были главными противниками избранія Бориса.

Не рѣшаясь выступить открыто противъ новаго царя, пользовавшагося въ первые годы своего царствованія большою любовью и среди знатнаго боярства, и въ народѣ, Романовы придумали другое средство, чтобы свергнуть съ престола ненавистнаго Годунова: они начали распускать слухи, что царевичъ Димитрій Іоанновичъ, котораго считали убитымъ въ Угличѣ, живъ, спасся и что недалеко то время, когда онъ явится въ Москву, чтобы отнять у Годунова московскій престолъ.

Въ домѣ Романовыхъ, въ числѣ многихъ другихъ дѣтей бѣдныхъ бояръ, жилъ мальчикъ-сирота, ровесникъ царевича Димитрія. Его и рѣшили Романовы выдать за спасшагося будто бы царевича Димитрія и стали внушать мальчику, что онъ не кто иной, какъ Димитрій, сынъ царя Іоанна Грознаго и его седьмой жены Маріи Ѳеодоровны Нагой, но что ему нужно, до поры до времени, скрывать свое царское происхожденіе, иначе Борисъ Годуновъ велитъ его умертвить или сослать въ отдаленный монастырь. Мальчикъ повѣрилъ этимъ разсказамъ и все больше и больше проникался мыслью, что онъ, на самомъ дѣлѣ, царскій сынъ, спасшійся отъ руки убійцъ въ Угличѣ.

Слухи о козняхъ Романовыхъ дошли до Годунова.

Надъ Романовыми было снаряжено слѣдствіе и, ихъ подвергли опалѣ, сославъ въ заточеніе.

Тѣмъ временемъ, тоже опасаясь преслѣдованій со стороны Годунова, мальчикъ, жившій у Романовыхъ, скрылся

ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА,
работы Луки Киліана, гравированный въ 1606 году.

въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ его на 14-мъ году жизни постригли въ монахи подъ именемъ Григорія.

Сторонники Романовыхъ рѣшили, что наступило время выдвинуть мнимаго царевича, и отправили его на границу

московскаго государства и Польши, сговорившись сначала съ нѣкоторыми польскими вельможами, что они помогутъ названному Димитрію сѣсть на московскій престолъ.

И вотъ «выкормышъ» Романовыхъ объявляетъ, что онъ не кто иной, какъ царевичъ московскій Димитрій Іоанновичъ.

Одни ему повѣрили, другіе дѣлали видъ, что повѣрили. Спустя нѣкоторое время, на Руси пошли упорные слухи, что царевичъ Димитрій на самомъ дѣлѣ живъ, что онъ вскорѣ объявитъ себя народу и сядетъ на прародительскій престолъ. Народъ жадно набрасывался на всѣ эти слухи и съ нетерпѣніемъ ждалъ того, кто называлъ себя Димитріемъ.

Прошло еще нѣкоторое время—и названный Димитрій во главѣ войска подошелъ къ Москвѣ, гдѣ знатнѣйшіе бояре, Шуйскіе, Бѣльскіе, Масальскіе, признали въ немъ истиннаго царя и помогли ему вѣнчаться на царство.

Посадивъ мнимаго царевича на престолъ, бояре были убѣждены, что теперь они сами будутъ управлять и что новый царь, въ благодарность за ихъ услугу, всецѣло будетъ подчиняться ихъ желаніямъ.

Однако ихъ ожиданія не оправдались. Названный Димитрій, считая себя истиннымъ царемъ, взялъ бразды правленія въ свои руки и сталъ вести себя вообще иначе, чѣмъ вели себя прежде московскіе цари: прежніе цари не любили иностранцевъ, въ особенности католиковъ, чуждались ихъ, а этотъ царь привезъ съ собой изъ Польши много поляковъ, католиковъ, самъ носилъ польское платье, русскихъ обычаевъ онъ не любилъ и вообще хотѣлъ жить свободно, любилъ веселье и забавы, устраивалъ богатые пиры, говорилъ, что заведетъ школы по иностраннымъ образцамъ, и т. п.

Эти и другія причины озлобили бояръ, посадившихъ мнимаго Димитрія на престолъ. Во главѣ враговъ его сталъ

КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ НА ЛОБНОМЪ МѢСТѢ, ВЪ 1605 ГОДУ, ОБЪЯВЛЯЕТЪ НАРОДУ, ЧТО ЦАРЕВИЧЪ ДИМИТРІЙ СПАСЕНЪ ОТЪ УБІЙЦЪ И ВМѢСТО НЕГО УБИТЪ И ПОХОРОНЕНЪ «ПОПОВЪ СЫНЪ».

Съ рис. А. Земцова.

Василій Шуйскій, который, вмѣстѣ съ другими ему преданными людьми, рѣшилъ погубить новаго царя и сталъ рас-

пространять слухи, что Димитрій—не подлинный царь. Шуйскаго схватили, и судъ, состоявшій изъ духовенства, бояръ и простыхъ людей, приговорилъ его къ смертной казни. Назначена была казнь, но когда палачъ занесъ уже руку надъ Шуйскимъ, прискакалъ гонецъ и объявилъ, что царь прощаетъ Шуйскому его вину и даруетъ ему жизнь.

Но вскорѣ опять начались козни противъ новаго царя, которыя и окончились его убійствомъ въ ночь на 17 мая 1606 г.

VI.

Разсказъ про воспитанника монаха Отрепьева.

БЫЛЪ въ одномъ русскомъ монастырѣ, въ царствованіе Бориса Годунова, монахъ, подъ именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ происшествія въ своемъ отечествѣ, онъ вмѣстѣ со многими другими распускалъ о царѣ Борисѣ Годуновѣ худую славу, но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисѳена (Днѣпра), и, встрѣтивъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу, уговорилъ его сдѣлаться слугою князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, заявить съ притворною горестью, будто бы онъ царевичъ московскій Димитрій, которому, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть. Юноша, согласно совѣту Отрепьева, направился въ Брагинъ, помѣстье Вишневецкаго, къ которому онъ нанялся простымъ камердинеромъ. Самъ же Отрепьевъ направился въ землю казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный наслѣдникъ русскаго престола, Димитрій Іоан-

новичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ молву, Отрепьевъ сталъ просить и убѣждать казаковъ подать помощь царевичу и сулилъ имъ знатную награду. Убѣжденія этого монаха не остались безъ дѣйствія.

Между тѣмъ, наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ Вишневецкому въ качествѣ

СОВѢТЪ ЗАГОВОРЩИКОВЪ ПРОТИВЪ ДИМИТРІЯ, ВЪ ДОМѢ ШУЙСКАГО ВЪ НОЧЬ НА 17 МАЯ 1606 г.

Съ рис. А. Земцова.

камердинера. Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и назвалъ его ругательнымъ словомъ. Тогда жестоко обиженный слуга со слезами на глазахъ сказалъ князю: «Если-бъ зналъ ты, князь Адамъ, кто тебѣ служитъ, не услышалъ бы я столь обиднаго слова, да еще съ побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣлать нечего: я долженъ все терпѣть, назвавъ себя слугою». — «А кто-же

ты,—спросилъ Вишневецкій,—и откуда ты пришелъ?» Тутъ юноша разсказалъ, что онъ сынъ царя Іоанна Васильевича, и передалъ весьма складно приключенія дѣтства и замыселъ Бориса на жизнь его, открылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ смерти, кто спасъ его и какъ онъ странствовалъ по Бѣлоруссіи: при этомъ показалъ золотой крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями, подаренный ему будто бы крестнымъ отцомъ. Затѣмъ мнимый Димитрій упалъ въ ноги Вишневецкому и воскликнулъ: «Предаю себя на твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горькая жизнь не мила мнѣ. О, если-бъ ты помогъ мнѣ возвратить то, чего я лишился, какая награда была бы тебѣ, съ Божіею помощью!»

Князь смутился, повѣрилъ всему, что говорилъ юноша, извинился передъ нимъ и въ тотъ же день велѣлъ устроить богатое пиршество въ честь «царя россійскаго», представилъ юношу другимъ польскимъ вельможамъ и вмѣстѣ съ ними помогъ ему достигнуть московскаго престола.

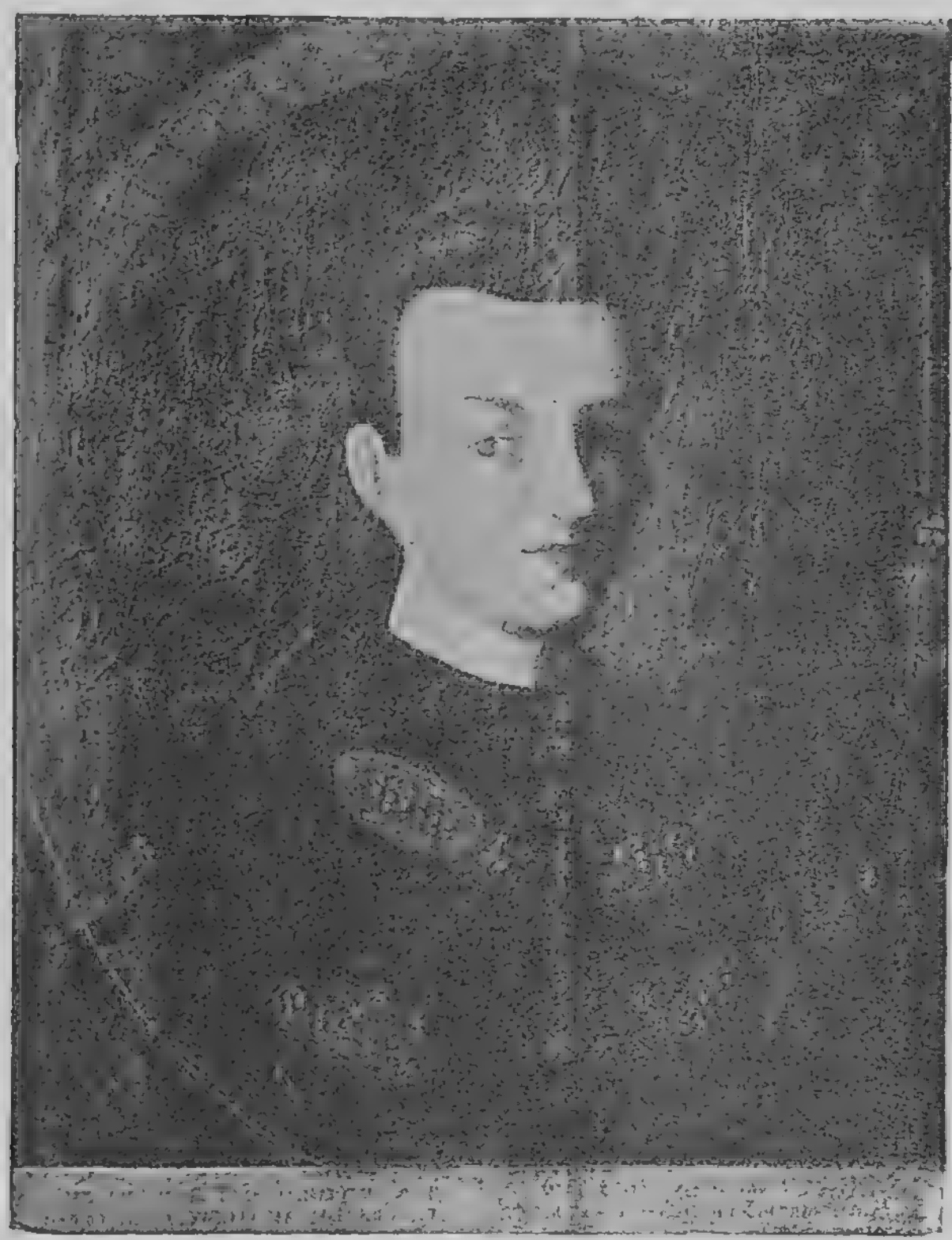
Такъ разсказываетъ нѣмецъ Конрадъ Буссовъ, одинъ изъ современниковъ Димитрія Самозванца, очевидецъ многихъ событій Смутнаго времени, жившій въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, человѣкъ близкій къ московскому двору.

VII.

Догадки относительно ставленника канцлера Сапѣги.

ПРИ царѣ Борисѣ Годуновѣ состоялъ польскимъ посланникомъ въ Москвѣ канцлеръ Левъ Сапѣга, уже раньше, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, пріѣзжавшій въ Москву посломъ польскаго короля.

Сапѣга былъ недоволенъ воцареніемъ Годунова, потому что Годуновъ, захвативъ въ крѣпкія руки бразды правленія, помѣшалъ полякамъ осуществить давнишнюю мысль достичь преобладанія надъ Москвою.



ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА ВЪ МУЗЕѢ П. И. ЩУКИНА ВЪ МОСКВѢ.

И въ головѣ Сапѣги явилась мысль, нельзя ли на мѣсто Годунова посадить другое лицо, которое было бы предано Польшѣ и осуществило бы мечты поляковъ.

Сапѣга хорошо зналъ о загадочной смерти царевича Димитрія въ Угличѣ и рѣшилъ, что нетрудно было бы

убѣдить московскій народъ, что царевичъ не убитъ, а спасся, и выдать какого-нибудь соотвѣтственно подготовленнаго мальчика за царевича.

Какъ ловкій дипломатъ, Сапѣга сумѣлъ сблизиться съ московскими боярами, пріобрѣсти ихъ довѣріе и убѣдился, что большинство родовитыхъ бояръ питаетъ вражду къ Годунову и охотно готово отъ него отдѣлаться. Вражда бояръ, съ одной стороны, загадочность угличскаго событія, съ другой—облегчили Сапѣгѣ осуществленіе его замысла. Въ одной изъ своихъ бесѣдъ съ боярами Сапѣга намекнулъ на то, что онъ знаетъ юношу, который выдаетъ себя за царевича Димитрія. Дѣйствительно ли онъ спасшійся Димитрій или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, разъ московскому народу станетъ извѣстно, что объявился царевичъ Димитрій, спасшійся отъ рукъ убійцъ, положеніе Годунова будетъ поколеблено, и свергнуть его съ престола будетъ не трудно. Бояре съ радостью ухватились за эту мысль, тѣмъ болѣе, что она являлась и не совсѣмъ новою: самъ Годуновъ, когда онъ былъ еще только правителемъ, держалъ при своемъ дворѣ имѣвшаго большое сходство съ царевичемъ Димитріемъ юношу, котораго Годуновъ, не убѣжденный удастся ли ему самому достигнуть престола, какъ полагали, намѣревался объявить царемъ. Увѣровали ли бояре, что юноша, о которомъ говорилъ Сапѣга, былъ на самомъ дѣлѣ царевичъ или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, они не только одобрили замыселъ Сапѣги, но и обѣщали свое содѣйствіе къ осуществленію его.

Юноша, о которомъ говорилъ Сапѣга, оказался тутъ же, въ Москвѣ, въ его свитѣ: пріѣхалъ ли онъ вмѣстѣ съ Сапѣгою или же былъ выписанъ послѣ переговоровъ съ боярами — сказать трудно. Этотъ юноша, какъ на-

мекнулъ Сапѣга, былъ не простой, невѣдомый проходимецъ-бродяга, котораго и обидно и неловко выставлять претендентомъ на престолъ; нѣтъ, въ его жилахъ струится царская кровь: онъ потомокъ польскаго короля, о чемъ, однако, знаетъ только онъ—Сапѣга. Другіе этого не знаютъ; не знаетъ даже самъ юноша, на котораго выпалъ жребій сыграть роль царевича Димитрія.

ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА, ИЗОБРАЖЕННАГО ВЪ ЦАРСКОМЪ ОДѢЯНІИ И МОНОМАХОВОЙ ШАПКѢ-КОРОНѢ.

Подлинная гравюра находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

Обольщенный Сапѣгою и боярами, враждебными Борису, настроенный въ убѣжденіи, что онъ царевичъ Димитрій, спасенный въ младенчествѣ,—пылкій и увлекающійся юноша охотно принялъ на себя предложенную ему роль.

Условившись съ боярами относительно возведенія намѣченнаго лица на московскій престолъ, Сапѣга выразилъ желаніе имѣть людей, способныхъ подго-

товить будущаго претендента съ религіозной и обрядово-бытовой стороны. Бояре поставили такого руководителя въ лицѣ преданнаго имъ монаха.

Слухи о козняхъ враждебныхъ Борису бояръ и о какихъ то таинственныхъ переговорахъ съ польскимъ посломъ дошли до Годунова, и онъ поторопился выпроводить изъ Москвы Сапѣгу съ его свитою. Но дѣло было сдѣлано: вслѣдъ за отъѣздомъ Сапѣги, въ столицѣ усилились смутные слухи, что царевичъ Димитрій спасся въ Угличѣ отъ смерти и живетъ за польскимъ рубежомъ.

Таковъ разсказъ объ участіи Сапѣги въ самозванческой интригѣ, какой представляется эта интрига воображенію нѣкоторыхъ историковъ. Но прямыхъ доказательствъ на это не имѣется: все вышеизложенное о замыслѣ Сапѣги и его переговорахъ съ боярами о Самозванцѣ не выходитъ изъ области предположеній и догадокъ, не подкрѣпленныхъ доказательствами.

VIII.

Преданіе о воспитанникѣ іезуитовъ.

Римскимъ папамъ и католическимъ священникамъ очень завидно было, что такая огромная и богатая страна, какъ московское государство, принадлежитъ, по вѣрѣ, къ православной, а не къ католической церкви. И часто думали они какъ бы завоевать московское государство и ввести тамъ католическую вѣру, при содѣйствіи Польши, жители которой были почти сплошь католики. Но когда папой сталъ Климентъ VII, онъ рѣшилъ, что ввести католичество въ московскомъ государствѣ можно и безъ завоеванія, исподволь, лишь бы московскій царь позволилъ

въ Москвѣ строить католическ
школы. Борисъ Годуновъ, къ ко
этому поводу, однако отказалъ.

ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА, РИСОВАННЫЙ ХУДОЖНИКОМЪ ФРАНЦЕМЪ СНЯДЕЦКИМЪ ВЪ 1606 ГОДУ.

Тогда у католиковъ-іезуитовъ возникла мысль посадить на московскій престолъ такого государя, который былъ бы преданъ католической вѣрѣ и постарался бы ввести эту вѣру въ государствѣ, склонить всѣхъ московскихъ людей

ночная смерть царевича Димитрія
будто въ этой смерти повиненъ Году-
зуитовъ на мысль распустить вѣсть,
митрій живъ и спасся среди поляковъ,
какого-нибудь юношу-сироту выдать себя
о царевича, съ тѣмъ, чтобъ затѣмъ посадить
лу на московскій престолъ и черезъ него за-
ести католическую вѣру въ московскомъ государ-

Найдя подходящаго юношу, они отправили его въ Москву, дабы онъ тамъ хорошо выучился говорить по-русски, познакомился съ московскими обычаями и обрядами и затѣмъ уже объявилъ себя спасеннымъ московскимъ царевичемъ.

И вотъ этотъ то, подготовленный іезуитами мальчикъ-католикъ и полякъ и сталъ будто-бы впослѣдствіи Димитріемъ Самозванцемъ.

IX.

Легенда о польскомъ королевичѣ.

ВЪ то время, какъ въ московскомъ государствѣ началось царствованіе Бориса Годунова, королемъ польскимъ былъ Стефанъ Баторій.

Это былъ храбрый и воинственный король, много мечтавшій о завоеваніи Москвы и о присоединеніи къ титулу польскаго короля, титула московскаго великаго князя. Однако этой мечты Баторію осуществить не удалось.

Былъ у Баторія любимый охотничій замокъ въ Неполомицахъ, на берегахъ Вислы, куда онъ часто ѣздилъ

охотиться. У управляющаго этимъ замкомъ, скромнаго старосты, была дочь-красавица. Король полюбилъ ее. Отъ красавицы-старосцянки въ Неполомицахъ родился у короля сынъ, здоровый, крѣпкій мальчикъ.

КОРОЛЬ СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.

Нѣмецкая гравюра конца XVI вѣка, изъ колекціи гравюръ короля Станислава-Августа, хранящейся въ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

И внѣшностью своею, и необычайными способностями, характеромъ и привычками онъ напоминалъ отца. Мать души въ немъ не чаяла. Тщательно скрывая передъ мальчикомъ кто его отецъ, она однако часто напоминала ему, что онъ «не простой, холопской крови», что въ жилахъ его течетъ царская кровь, что ему суждено быть больше

чѣмъ простымъ шляхтичемъ или даже паномъ. И малютка съ молокомъ матери всасывалъ въ себя эти понятія, проникался все болѣе и болѣе сознаніемъ, что онъ «царскій сынъ», сынъ какого-то невѣдомаго царя...

Между тѣмъ, болѣзнь, давно точившая крѣпкій организмъ Баторія, въ декабрѣ 1586 г. свела короля въ могилу. Онъ скончался, не успѣвъ обезпечить своего сына. Прошло нѣсколько лѣтъ—умерла и дочь неполомицкаго старосты. Мальчикъ-сирота—безъ имени и званія—отправился странствовать по дворамъ польскихъ пановъ. Проникъ онъ и въ русскія земли, побывалъ въ самой Москвѣ, скитался по монастырямъ. Во время этихъ скитаній онъ такъ хорошо ознакомился съ московскими обычаями и выучился такъ хорошо русскому языку, что было трудно отличить его отъ природнаго москвича. Странствуя съ мѣста на мѣсто, въ 1601 году онъ очутился при дворѣ князя Константина Острожскаго, откуда перешелъ въ Гощу, въ аріанскую школу, а затѣмъ, въ 1603 г., къ богатому вельможѣ, князю Адаму Вишневецкому, въ мѣстечкѣ Брагинѣ, недалеко отъ Днѣпра, почти на самомъ пограничьѣ съ московскимъ государствомъ. Во время своихъ странствованій юноша узналъ объ убійствѣ московскаго царевича Димитрія, а отъ одного православнаго монаха развѣдалъ, что по московскому государству ходятъ слухи, будто царевичъ живъ, спасся отъ ножа убійцъ и что вмѣсто него—убитъ другой мальчикъ, а только никому неизвѣстно, гдѣ находится спасенный царевичъ. «Ужъ не я ли царевичъ Димитрій?»—мелькнуло въ умѣ юноши, и эта мысль не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ вспоминалъ, что въ дѣтствѣ слышалъ часто рѣчи о московскомъ престолѣ, вспоминалъ, какъ мать говорила ему о царской крови, которая текла въ его жилахъ. И

юноша все больше и больше проникался сознаніемъ, что это именно онъ царевичъ Димитрій, и сжился съ этимъ сознаніемъ. Православный монахъ, съ которымъ встрѣтился юноша, поддерживалъ въ немъ это сознаніе и убѣждалъ юношу, что онъ на самомъ дѣлѣ царевичъ московскій.

КОРОЛЬ СТЕФАНЪ БАТОРІЙ.
Итальянская гравюра, изъ коллекціи гравюръ короля Станислава-Августа, хранящейся въ Императорской Академіи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

Долго не рѣшался юноша высказать кому-нибудь своей тайны. Наконецъ, во время болѣзни, явившейся послѣдствіемъ оскорбленія, нанесеннаго безвѣстному странствующему юношѣ гордымъ и вспыльчивымъ княземъ Вишневецкимъ, къ которому онъ поступилъ простымъ слугою,— объявилъ о своемъ царскомъ происхожденіи, объявилъ, что онъ не кто иной, какъ царевичъ московскій Димитрій

Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Грознаго, чудомъ спасенный въ Угличѣ.

Таинственность, окружавшая происхожденіе неизвѣстно откуда взявшагося юноши, его замѣчательныя способности, рѣдкія познанія, пріобрѣтенныя имъ во время странствованій, его смѣлость, храбрость, самоувѣренность, наконецъ сама внѣшность и осанка,—больше всего, однако, искренность и правдоподобіе разсказа о чудесномъ спасеніи—все это заставило князя Вишневецкаго, а затѣмъ и многихъ польскихъ пановъ, увѣровать въ появившагося Димитрія, признать въ немъ истиннаго царевича. Еще болѣе увѣровали паны, когда явились и русскіе люди, по разсказамъ мнимаго Димитрія и по разнымъ признакамъ, узнавшіе въ немъ царевича, котораго они считали убитымъ. Когда вѣсть о мнимомъ царевичѣ дошла до короля польскаго Сигизмунда, нашлись сановники, которые усомнились въ «подлинности» столь странно появившагося царевича. Но голоса ихъ были заглушены криками тѣхъ, которые, содѣйствуя Димитрію завладѣть московскимъ престоломъ, надѣялись пріобрѣсти богатство, значеніе, земли. Настаивая на томъ, что юноша, называвшій себя Димитріемъ, — дѣйствительно царевичъ Димитрій Іоанновичъ, многіе польскіе вельможи охотно согласились оказать новоявленному юношѣ-царевичу свою помощь къ достиженію московскаго престола. Большинство изъ нихъ, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ твердо вѣрили, что загадочный юноша дѣйствительно спасенный московскій царевичъ.

Охотниковъ идти съ юннымъ «царевичемъ» въ Москву нашлось много, тѣмъ болѣе что онъ обѣщалъ щедро одарить своихъ приверженцевъ, когда сядетъ на тронъ. И въ короткое время у него собралось до 5 тысячъ войска. Кромѣ поляковъ, здѣсь было много казаковъ и всякихъ проходим-

цевъ, любителей легкой наживы. Въ октябрѣ 1604 г. мнимый царевичъ Димитрій двинулся со своей разношерстною ратью на Русь и 16 числа вступилъ въ предѣлы московскаго государства.

30 іюля 1606 года состоялось въ Успенскомъ соборѣ вѣнчаніе на царство новаго царя—и сынъ Стефана Баторія

МЕДАЛІОНЪ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ.

возсѣлъ на московскомъ престолѣ подъ именемъ царя Димитрія Іоанновича.

Эта легенда о королевскомъ происхожденіи Самозванца была распространена въ Польшѣ еще въ XVII вѣкѣ. Ее разсказываютъ и понынѣ на берегахъ Вислы, въ окрестностяхъ той мѣстности, гдѣ жила когда-то неполомицкая красавица.

Но не только въ Неполомицахъ ходили слухи, что вступившій на московскій престолъ юноша—сынъ короля Баторія: объ этомъ говорили и въ Москвѣ, вскорѣ послѣ

смерти Димитрія, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся записки нѣкоторыхъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ въ началѣ XVII вѣка и бывшихъ свидѣтелями Смутнаго времени.

X.

Предположенія о сынѣ московскаго выходца.

КОГДА, послѣ смерти царя Іоанна Грознаго, 17 марта 1584 года, въ числѣ другихъ бояръ опекуномъ его сына-наслѣдника, Ѳеодора Іоанновича, неспособнаго править государствомъ, былъ назначенъ и бояринъ Борисъ Годуновъ, многіе знатные московскіе бояре остались этимъ очень недовольны. Недовольство это росло по мѣрѣ того, какъ Годуновъ забиралъ все бо̀льшую власть и наконецъ одинъ сталъ управлять за слабоумнаго царя Ѳеодора; недовольство это перешло даже въ смуту, когда, послѣ смерти Ѳеодора, Годуновъ, 1 сентября 1598 года, вѣнчался на царство. Цѣлый рядъ боярскихъ фамилій открыто возсталъ тогда противъ новаго царя, считая его, какъ чужеземца, — предки Годунова происходили отъ мурзы Чета и были татарами,—недостойнымъ занимать московскій престолъ.

Еще въ то время, когда Годуновъ правилъ государствомъ отъ имени Ѳеодора, враги его предвидѣли, что властолюбивый Годуновъ только ждетъ смерти бездѣтнаго царя, чтобы занять московскій престолъ... Они образовали партію, намѣревавшуюся лишить Годунова его значенія и власти. Вслѣдствіе этого, со стороны Годунова начались гоненія на представителей многихъ знатныхъ

родовъ: однихъ казнили, другихъ заточали
иныхъ ссылали на «рубежъ», на Украи

ДИМИТРІЙ, ВОЕВОДА МНИШЕКЪ, МАРИНА И ЕЯ СЫНЪ.
Гравюра Олещинскаго.

знатные роды, опасаясь преслѣдованій со стороны Годунова, бѣжали въ сосѣднія польскія и литовскія земли.

ъ выходцевъ и возникла мысль, такъ или ть Годунова съ престола. Но такъ какъ у лось достаточно приверженцевъ, — осуще- ысль было не легко. Пришлось дѣйствовать особымъ способомъ. И вотъ, когда Годуновъ, послѣ смерти царя Ѳеодора, въ 1598 году вѣнчался на царство, они начали распускать слухи, что царевичъ Димитрій, убитый будто-бы въ Угличѣ, живъ, что Годуновъ незаконно сѣлъ на престолъ и что царствовать долженъ спасенный царевичъ. Не ограничиваясь одними только слухами, опальные бояре подыскали мальчика, ровесника царевича Димитрія, сына одного изъ выходцевъ, принадлежавшаго къ знатному московскому боярскому роду и родившагося въ Западной Руси, котораго назвали Димитріемъ, и стали выдавать его за царевича.

Мальчикъ, на котораго палъ выборъ враговъ Годунова, хотя и не отличался красотою, но былъ уменъ, краснорѣчивъ, ловокъ и смѣлъ и, какъ сынъ знатнаго боярина, обладалъ тою осанкою и тою врожденною, родовитою гордостью, которая была необходима для человѣка, имѣющаго въ виду разыгрывать роль царевича и стать современемъ царемъ.

Опальные бояре твердо разсчитывали, что, посадивъ на престолъ мнимаго царевича, они не только устранятъ ненавистнаго имъ Годунова, но и сами займутъ видное мѣсто при дворѣ новаго царя. Впрочемъ, иные изъ нихъ и не шли такъ далеко въ своихъ замыслахъ: они не думали, чтобы названный Димитрій достигъ престола, но полагали, что одно уже появленіе спасеннаго царевича сильно повліяетъ на народъ, который не вѣрилъ въ смерть Димитрія, не хотѣлъ съ ней мириться, и что народъ самъ заставитъ Годунова отказаться отъ престола, а тамъ

можно будетъ выбрать изъ среды русскихъ бояръ новаго царя. Тѣ же, которые разсчитывали посадить названнаго Димитрія на престолъ, хотя и понимали, что осуществить это намѣреніе возможно будетъ не иначе, какъ при

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ ПОРТРЕТЪ ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА, РАБОТЫ ІОДЕ 1606 ГОДА.

содѣйствіи войскъ и большихъ денежныхъ средствъ, но разсчитывали получить ихъ у польскаго короля Сигизмунда.

Мальчикъ, названный Димитріемъ, былъ воспитанъ въ твердомъ убѣжденіи, что онъ на самомъ дѣлѣ царевичъ Димитрій; а для того, чтобы онъ вполнѣ ознако-

мился съ московскими обычаями и хорошо изучилъ какъ эти обычаи, такъ и русскій языкъ, его отправили съ однимъ бѣглымъ монахомъ странствовать по русскимъ монастырямъ. Переходя изъ одного монастыря въ другой, мальчикъ со своимъ наставникомъ-монахомъ добрался до Москвы, побывалъ даже, никѣмъ не узнанный, при дворѣ Бориса Годунова, затѣмъ опять вернулся на рубежъ, гдѣ попалъ въ Брагинъ, къ князю Вишневецкому, которому и разсказалъ всю исторію о мнимомъ своемъ спасеніи въ Угличѣ такъ, какъ научилъ его наставникъ-монахъ. Самъ названный Димитрій былъ твердо увѣренъ въ томъ, что онъ на самомъ дѣлѣ царевичъ и поэтому выступалъ такъ настойчиво и смѣло, преодолѣвъ всѣ препятствія, и согласился занять московскій престолъ.

XI.

Затѣя воеводы Мнишека.

На берегу Днѣстра, въ Червонной Руси, одной изъ провинцій древней Польши, находился замокъ Самборъ. Жилъ въ этомъ замкѣ, въ началѣ XVII столѣтія, знатный польскій вельможа, сандомирскій воевода Юрій Мнишекъ съ дочерью-красавицею, Мариною.

Какъ у всѣхъ знатныхъ шляхтичей того времени, при дворѣ Мнишека жило много разныхъ дворянъ, военныхъ и слугъ. Въ числѣ ихъ, въ началѣ 1603 года, появился странный юноша, небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, отличавшійся физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ; у него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое некрасивое лицо; за то онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ

слова и при томъ не лишенъ былъ нѣкотораго образованія.

Юноша прибылъ въ Самборъ изъ московскаго государства, по которому онъ, по его словамъ, странствовалъ нѣсколько лѣтъ, побывавъ и въ самой Москвѣ, и зналъ отлично всѣ русскіе обычаи.

САНДОМИРСКІЙ ВОЕВОДА ЮРІЙ МНИШЕКЪ
(Съ современнаго польскаго портрета).

Безвѣстному юношѣ очень понравилась панна Марина, но онъ и думать не смѣлъ, чтобы дочь польскаго вельможи стала когда-нибудь его женою.

Между тѣмъ Мнишекъ обратилъ вниманіе на даровитаго, смѣлаго и ловкаго юношу, рѣзко выдѣлявшагося среди остальной молодежи.

АФАНАСІЙ ВЛАСЬЕВЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.
Замѣститель Димитрія при обрученіи съ Мариною Мнишекъ.

Въ то время ходили слухи, будто московскій царевичъ Димитрій не былъ убитъ въ Угличѣ, что онъ спасся, но только никто не знаетъ, гдѣ онъ. У Мнишека явилась мысль выдать страннаго, прибывшаго изъ московскаго государства юношу, за царевича. Онъ снесся по этому поводу съ польскимъ посломъ въ Москвѣ,

польско-литовскимъ канцлеромъ Сапѣгою и, уговоривъ юношу принять на себя роль царевича Димитрія, отправилъ его въ Москву, строго однако наказавъ скрывать, до поры до времени, всю эту затѣю. При этомъ Мнишекъ рѣшилъ, въ случаѣ успѣха затѣи, когда юноша станетъ царемъ, выдать за него замужъ свою дочь Марину. Въ Москвѣ юноша сошелся съ бѣглымъ монахомъ Григоріемъ Отрепьевымъ, который сталъ его руководителемъ въ странствованіяхъ и въ ознакомленіи съ Московскою Русью. Вмѣстѣ съ Отрепьевымъ и еще двумя другими монахами юноша сталъ переходить изъ монастыря въ монастырь и наконецъ перебрался черезъ Литовскую границу, намѣреваясь направиться въ Самборъ, чтобы тамъ объявить, что онъ-де царевичъ Димитрій. Но воевода Мнишекъ нашелъ болѣе отвѣчающимъ успѣху, чтобы царевичъ объявился не въ его домѣ, а въ домѣ его родственника, князя Адама Вишневецкаго въ Брагинѣ.

ЦАРСКАЯ ПЕЧАТЬ ДИМИТРІЯ.
Печать эта, на которой выгравированъ двуглавый орелъ и кругомъ надпись: «Божіею милостію, царевичъ Московскій Дмитръ Ивановичъ», приложена къ записи его 1604 г., данной сандомирскому воеводѣ Юрію Мнишеку о выдачѣ ему, по вступленіи Димитрія на Московскій престолъ, милліона злотыхъ польскихъ, о бракосочетаніи съ дочерью его Мариной, по представленіи ей въ вѣчное владѣніе земель Новгородской и Псковской, съ дозволеніемъ тамъ богослуженія католическаго.

Объявленіе названнаго царевича произошло какъ бы случайно: по одному разсказу юноша, притворившись опасно больнымъ, позвалъ для предсмертной исповѣди священника и повѣрилъ ему свою тайну; по другому—

онъ открылся въ банѣ, когда князь, разсердившись за что-то, ударилъ его. Князь сдѣлалъ видъ, что вполнѣ повѣрилъ разсказу, и повезъ объявившагося царевича къ

КАТОЛИЧЕСКАЯ ИКОНА БОЖІЕЙ МАТЕРИ, ПОЛУЧЕННАЯ ДИМИТРІЕМЪ ОТЪ ЕГО ТЕСТЯ МНИШЕКА ПРИ ОТПРАВЛЕНІИ ЕГО ВЪ РОССІЮ И ОТПРАВЛЕННАЯ ИМЪ ВЪ ПУТИВЛЬ, ГДѢ ОНА ХРАНИТСЯ ДО СИХЪ ПОРЪ, ВЪ МѢСТНОМЪ МОНАСТЫРѢ.

своему брату князю Константину Вишневецкому, въ замокъ Вишневецъ, расположенный на берегахъ Горыни. У князя Константина нашелся какой-то бѣглый москвичъ, бывшій слуга канцлера Сапѣги, Юрій Петровскій, который бывалъ въ Угличѣ и видалъ маленькаго царевича;

когда ему показали объявившагося царевича, онъ тотчасъ же воскликнулъ: «Да, это истинный царевичъ Димитрій!» Послѣ этого князь Константинъ повезъ юношу къ своему тестю Юрію Мнишеку, который радушно принялъ неожиданнаго будто-бы высокаго гостя. Вскорѣ въ Самборъ пріѣхало нѣсколько московскихъ выходцевъ, бѣжавшихъ въ Литву отъ преслѣдованій Годунова; они тоже подтвердили, что признаютъ въ юношѣ царевича Димитрія.

Мнимый царевичъ между тѣмъ сильно полюбилъ дочь Мнишека, Марину, питавшую сладкую надежду сдѣлаться вскорѣ царицею московскою. И, поддерживаемый Мариною, юноша успѣшно продолжалъ разыгрывать роль царевича, обѣщая золотыя горы всѣмъ, кто поможетъ ему вернуть престолъ.

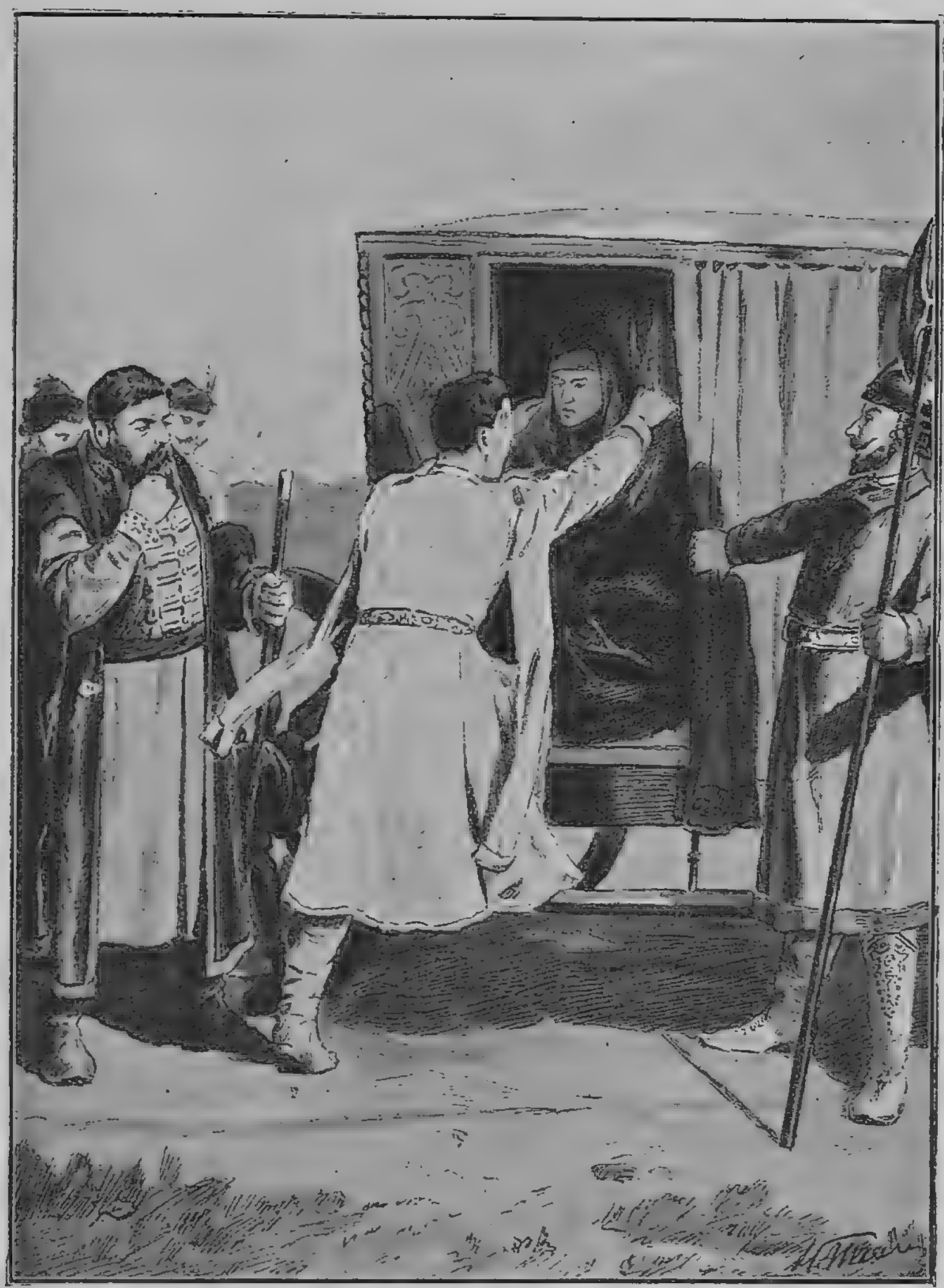
XII.

Повѣствованіе о сынѣ служанки.

При появленіи въ предѣлахъ московскаго государства Димитрія, явившагося добывать захваченный Борисомъ Годуновымъ престолъ, находился бывшій монахъ по фамиліи Григорій Отрепьевъ—разстрига, т. е. лишенный духовнаго сана.

Онъ былъ лицомъ очень близкимъ къ Димитрію, его руководителемъ и совѣтникомъ съ самаго начала похода въ Москву. Димитрій относился къ нему съ благодарностью, потому что, по разсказу Отрепьева,—именно онъ, Отрепьевъ, спасъ царевича въ Угличѣ отъ рукъ подосланныхъ Годуновымъ убійцъ.

Когда Димитрій, во главѣ многочисленнаго войска, двинулся изъ Польши въ предѣлы московскаго государства и



ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА ДИМИТРІЯ СЪ ЦАРИЦЕЮ, ИНОКИНЕЮ МАРѲОЮ.
Рисунокъ Ткаченки.

дошелъ, наконецъ, до г. Тулы, Отрепьевъ объявилъ царевичу, что онъ, Димитрій, на самомъ дѣлѣ вовсе не

сынъ царя Іоанна Грознаго, а сынъ служанки-царевича Димитрія, товарищъ по играмъ настоящаго Димитрія. Настоящій же царевичъ убитъ въ Угличѣ, имъ, Отрепьевымъ, подкупленнымъ въ свое время Годуновымъ; и только, когда Годуновъ отказался заплатить ему условленное за это страшное преступленіе вознагражденіе, убійца подставилъ вмѣсто царевича сына служанки и воспиталъ его въ убѣжденіи, что онъ сынъ Іоанна Грознаго.

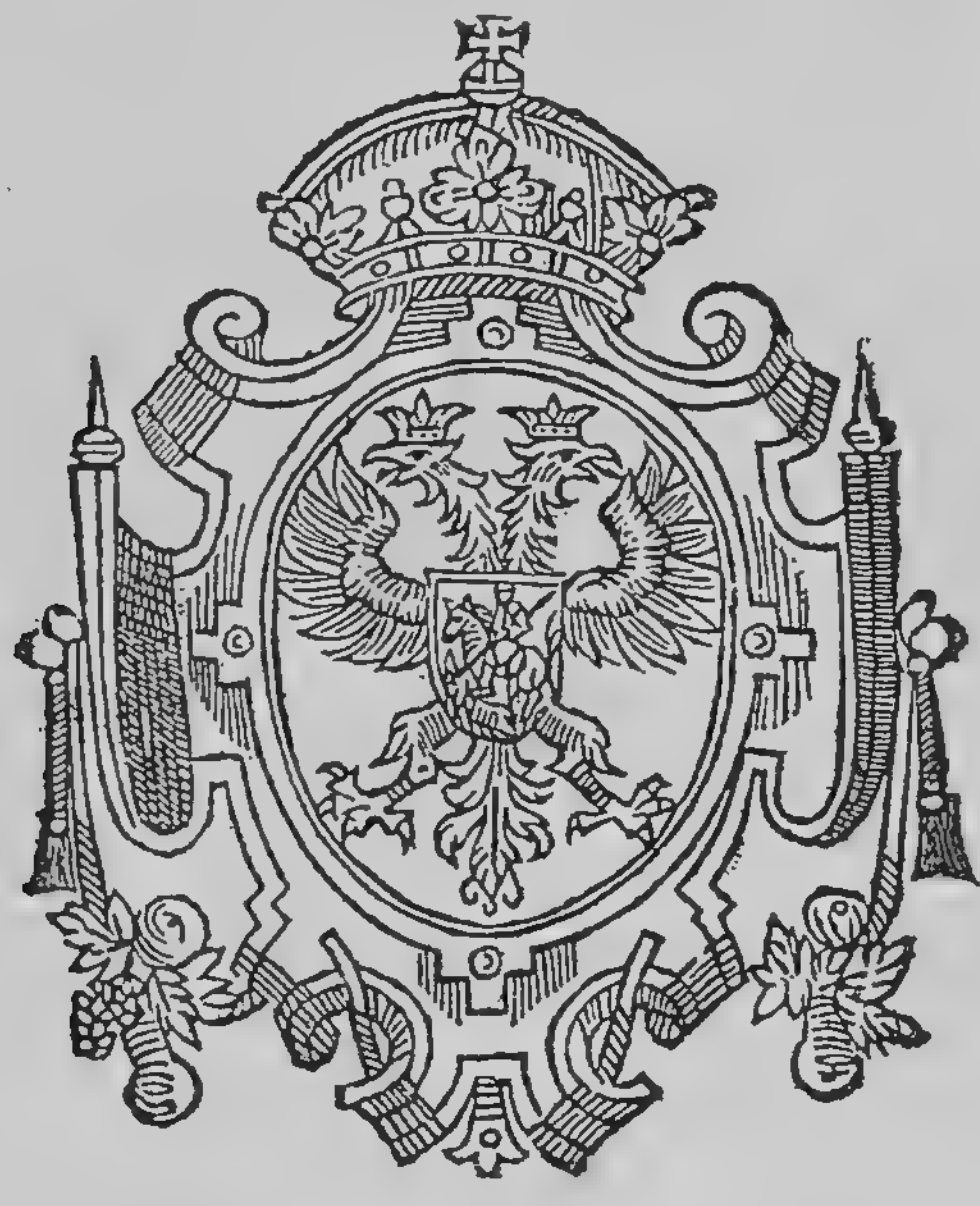
Димитрій, твердо до тѣхъ поръ вѣрившій въ то, что онъ настоящій царевичъ, съ ужасомъ выслушалъ разсказъ и въ отчаяніи отъ этого открытія убилъ наемнаго убійцу. Однако, хотя Димитрій и узналъ, что онъ не царевичъ, честолюбіе заставило его и дальше играть роль мнимаго царевича—роль самозванца. Онъ мучился своимъ самозванствомъ, но не захотѣлъ разставаться съ мечтою, что станетъ царемъ на Москвѣ. И онъ выдавалъ себя попрежнему за настоящаго царевича. Отъ одной только матери царевича Димитрія, подлиннаго царевича, не рѣшился онъ скрыть истины, зная, что мать и такъ узнаетъ ее. Въ разговорѣ наединѣ, онъ разсказалъ ей все, что зналъ, но просилъ не выдать его, скрыть отъ другихъ истину, говоря, что онъ является мстителемъ за убитаго Годуновымъ Димитрія. И царица-вдова, увлеченная его пылкимъ разсказомъ, рѣшила поддержать самозванца и согласилась признать всенародно его своимъ спасеннымъ сыномъ, дабы отомстить Годунову и свергнуть съ престола своего врага и убійцу сына-царевича.

Это признаніе и рѣшило судьбу Димитрія: народъ повѣрилъ, что онъ настоящій Димитрій, разъ даже царица-мать его признала, и отнесся къ самозванцу, какъ къ настоящему царевичу...

XIII.

Мнѣнія ученыхъ о личности Димитрія I.

ПЕРЕЧИСЛЕННЫМИ легендами, преданіями, слухами и повѣствованіями о происхожденіи Димитрія далеко еще не исчерпываются всѣ догадки и предположенія относительно личности человѣка, занявшаго московскій престолъ подъ именемъ царя Димитрія I. Такъ, одинъ изъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ во время событій Смутнаго времени, Вилльямъ Смитъ, утверждалъ, что названный Димитрій былъ «чужестраннымъ княземъ»; въ Литвѣ, по донесенію, которое сдѣлалъ по-



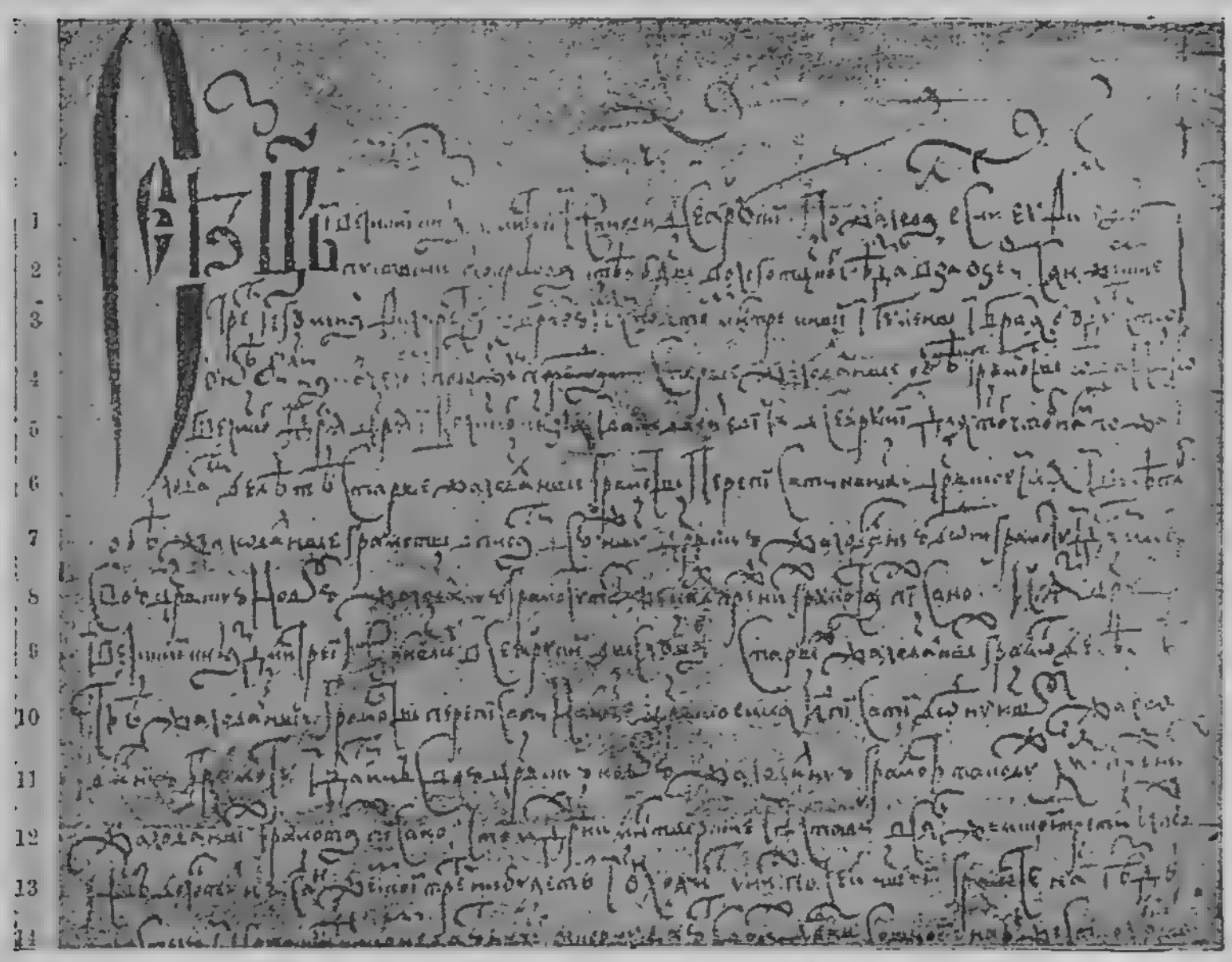
ГЕРБЪ ДИМИТРІЯ I.
гравированный на деревѣ, 1606 г. въ польской брошюрѣ Гроховскаго, изданной по случаю бракосочетанія Димитрія съ Мариною Мнишекъ.
Снимокъ съ экземпляра, находящагося въ Имп. публичной библіотекѣ въ Спб.

лякъ Жеромскій епископу Рудницкому, его считали родомъ изъ Трансильваніи (части нынѣшней Венгріи), откуда былъ родомъ польскій король Стефанъ Баторій; это же предположеніе повторялъ служившій въ русскомъ войскѣ при Борисѣ Годуновѣ французъ Маржеретъ. Имѣется показаніе одного изъ современниковъ, что Димитрій былъ литовецъ. Одно преданіе говоритъ, что онъ былъ сынъ убитаго Грознымъ Іоанна Іоанновича, т.-е. внукомъ Грознаго. Существовалъ, наконецъ, слухъ, будто Димитрій былъ еврей.

Нѣтъ сомнѣнія, что уже во времена Димитрія ломали себѣ голову надъ тѣмъ, кто онъ такой: какъ уже указано—одни вѣрили, что онъ былъ спасенный отъ руки убійцъ сынъ Іоанна Грознаго, другіе только притворялись, что вѣрятъ этому, хотя на самомъ дѣлѣ полагали, что Димитрій не могъ быть тѣмъ, за кого его выдавали; но были и такіе, которые были твердо убѣждены, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ самозванецъ.

Изъ иностранцевъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, поляковъ и др., жившихъ въ Москвѣ во времена Димитрія, какъ свидѣтельствуютъ ихъ сохранившіяся записки, одни считали того, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія — настоящимъ Димитріемъ (такое мнѣніе высказано въ запискахъ Бареццо-Барецци, Маскѣвича, Товянскаго, Геркмана, Ѳомы Смита и др.); между тѣмъ какъ другіе были твердо убѣждены, что онъ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ (Масса, Петрей, Шаумъ, Делявиль, Жолкевскій, Сапѣга). Послѣднее мнѣніе, очевидно, преобладало, особенно послѣ гибели Димитрія; во всякомъ же случаѣ—преобладало мнѣніе, что Димитрій—не настоящій царевичъ. При этомъ наиболѣе распространенныя, современныя появленію и царствованію Димитрія

сказанія и предположенія выставляютъ его — одни полякомъ, другія—русскимъ. Тѣ, которыя стоятъ за русское происхожденіе Димитрія — считаютъ его, одни, тождественнымъ съ Гришкою Отрепьевымъ, другія-же—только воспитанникомъ Отрепьева.



ГРАМОТА ДИМИТРІЯ I ЕВѲИМЬЕВОЙ ПУСТЫНѢ ОТЪ 10 ДЕКАБРЯ 1605 ГОДА.

Ученые историки, писавшіе о Димитріѣ, раздѣляютъ то или другое мнѣніе или сказаніе современниковъ и, изслѣдуя сохранившіеся документы, точно также дѣлятся на нѣсколько категорій: одни признаютъ Димитрія — спасеннымъ царевичемъ Димитріемъ; другіе — считаютъ его сыномъ короля Баторія; цѣлый рядъ историковъ утверждаетъ, что подъ именемъ Димитрія выступалъ монахъ-разстрига, Гришка Отрепьевъ, въ то время какъ другіе до-

казываютъ, что Отрепьевъ и Димитрій два различныхъ лица. Одни видятъ въ Димитріѣ—русскаго человѣка, другіе—поляка.

Но даже тѣ, которые признаютъ Димитрія русскимъ неизвѣстнаго происхожденія, различно опредѣляютъ его: одни считаютъ его природнымъ москвичемъ, другіе — западно-русскимъ. Одни полагаютъ, что онъ вышелъ изъ среды простого народа или мелкаго дворянства, другіе— стараются доказать, что онъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода. Одинъ же изъ историковъ высказалъ мысль, что въ Москвѣ къ самозванству готовили Григорія Отрепьева, но царствовалъ не онъ, ибо въ Польшѣ Отрепьева будто-бы замѣнили какимъ-то другимъ лицомъ.

До чего шатки всѣ предположенія относительно происхожденія Димитрія, доказываетъ, между прочимъ, фактъ, что нѣкоторые ученые изслѣдователи, сначала допускавшіе, что Димитрій былъ сыномъ Іоанна Грознаго, потомъ пришли къ заключенію, что онъ Григорій Отрепьевъ, или, во всякомъ случаѣ, лицо, ничего общаго съ царевичемъ Димитріемъ не имѣющее. Между тѣмъ цѣлый рядъ другихъ видныхъ историковъ находитъ, что Гришка Отрепьевъ и Димитрій были два разныхъ лица и это мнѣніе считалось одно время окончательно вошедшимъ въ историческую науку, какъ неопровержимый фактъ, вопреки мнѣнію тѣхъ, кто отождествлялъ Димитрія съ Отрепьевымъ.

Также разнородны мнѣнія относительно того, зналъ ли названный Димитрій, что онъ не настоящій царевичъ, или же вѣрилъ и былъ убѣжденъ, что онъ истинный сынъ царя Іоанна Грознаго. По однимъ предположеніямъ — Димитрій былъ сознательный обманщикъ, обманывавшій всѣхъ окружающихъ, обманувшій и народъ,

который ему повѣрилъ; по другимъ — онъ самъ былъ обманутъ тѣми, кто заставилъ его играть роль царевича.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СРЕДНЯЯ ПЕЧАТЬ ДИМИТРІЯ I, СЪ ПОЛНЫМЪ ЦАРСКИМЪ ТИТУЛОМЪ:

Божіею Милостію Димитрій Ивановичъ Всея Роус'и Самодержецъ, Владимірскій, Московскій, Новгородскій, царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныя Государь и Великій Князь Новгорода, Низовскія земли.

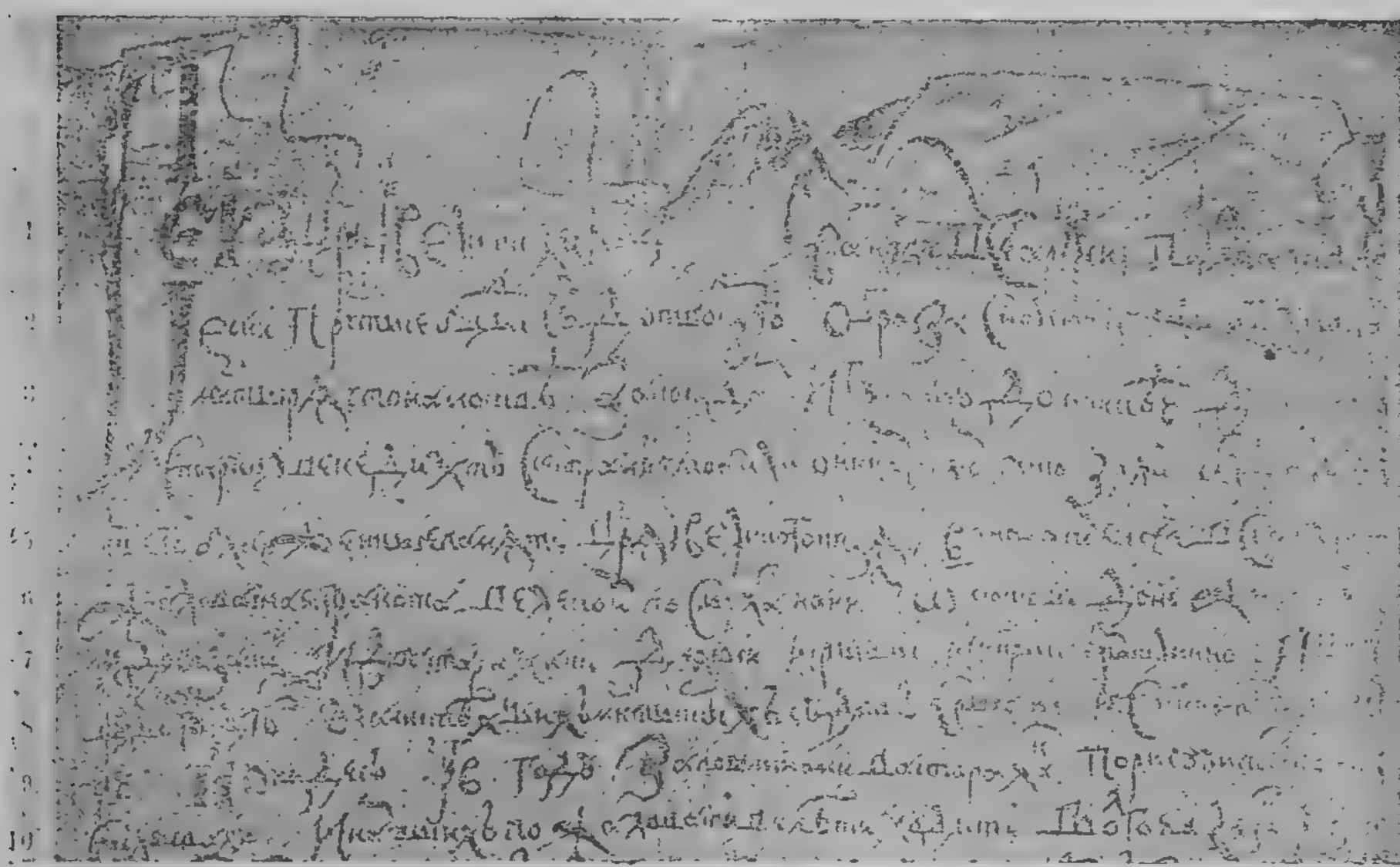
Одинъ изъ первыхъ русскихъ историковъ, пытавшихся разобраться въ разнорѣчивыхъ мнѣніяхъ современныхъ сказаній о Димитріѣ, Карамзинъ, считалъ Димитрія—сознательнымъ обманщикомъ, Гришкою Отрепьевымъ, который, зная о своемъ нецарскомъ происхожденіи, все же выдавалъ себя за царевича—мнѣніе, которое

высказывалъ раньше Карамзина историкъ временъ Екатерины II—Миллеръ.

Между тѣмъ, знаменитый историкъ Соловьевъ доказывалъ, что Димитрій не самъ назвалъ себя царевичемъ, а что другіе создали для него эту роль, другіе назвали его Димитріемъ,—онъ же этому повѣрилъ, точно такъ, какъ увѣровала въ это впослѣдствіи народная масса. Свое мнѣніе Соловьевъ подкрѣпилъ указаніемъ на то, что если бы Димитрій зналъ о своемъ обманѣ, то не дѣйствовалъ бы съ такою увѣренностью въ своихъ правахъ, увѣренностью, доходившею до неосторожности, не велъ бы себя такъ открыто и свободно. Подобное же мнѣніе высказываетъ и историкъ Костомаровъ, авторъ большого изслѣдованія о Димитріѣ, который приводитъ цѣлый рядъ соображеній въ пользу того, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія твердо и искренно вѣрилъ, что онъ настоящій царь, сынъ Грознаго, и что онъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ говоритъ о своей твердой вѣрѣ въ то, что названный Димитрій не былъ сознательнымъ Самозванцемъ. Къ мнѣнію Соловьева, Костомарова и Бестужева-Рюмина присоединился и проф. Платоновъ, принимая за наиболѣе вѣрное то, что Лжедимитрій—вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе, и что онъ свое восшествіе на престолъ считалъ дѣломъ вполнѣ справедливымъ и честнымъ. По мнѣнію же проф. Голубовскаго, вся жизнь Лжедимитрія, всѣ его дѣйствія,—и какъ государя, и какъ человѣка,—свидѣтельствуютъ объ его искреннемъ убѣжденіи въ своемъ царственномъ происхожденіи; онъ вѣрилъ, онъ былъ убѣжденъ, что онъ царскій потомокъ. «Нужно было вырасти въ сознаніи своего царственнаго происхожденія,—говоритъ названный историкъ, — чтобы дѣйствовать и

проявлять себя такъ, какъ дѣйствовалъ и проявл. Лжедимитрій». Что Димитрій вѣрилъ въ свое царско. исхожденіе, доказываетъ также въ рядѣ статей и А. Суворинъ.

Число ученыхъ историковъ, которыхъ интересовала личность Димитрія I и которые пытались отвѣтить на



ГРАМОТА ДИМИТРІЯ I НОВОДѢВИЧЬЕМУ МОНАСТЫРЮ, ИЗДАННАЯ ВЪ СЕНТЯБРѢ 1605 г.

вопросъ, кто былъ этотъ человѣкъ, занявшій московскій престолъ въ 1605 году, достигаетъ многихъ десятковъ. На протяженіи 300 слишкомъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ событій Смутнаго времени на Руси, неоднократно дѣлались попытки разслѣдовать это въ высшей степени странное историческое событіе. Но только въ самое послѣднее время удалось открыть многое такое, что хотя отчасти подняло завѣсу надъ историческою тайною, окружающею

ле и воцареніе названнаго Димитрія. Особенно тельны заслуги въ этомъ отношеніи двухъ ученыхъ слѣдователей: Пирлинга и Щепкина. Первый изъ нихъ, атолическій патеръ-іезуитъ, живущій въ Бельгіи, посвятилъ цѣлый рядъ изслѣдованій Димитрію и разыскалъ въ папскихъ архивахъ въ Римѣ неизвѣстные до тѣхъ поръ документы, касающіеся Димитрія, внесшіе много свѣта во всю исторію загадочнаго царя. Второй—ученый историкъ, проф. Щепкинъ, своимъ изслѣдованіемъ о Григоріѣ Отрепьевѣ расширилъ значительно тѣ свѣдѣнія о вѣроятномъ происхожденіи Димитрія, которыми располагала раньше историческая наука. Большой интересъ представляютъ также статьи о Димитріѣ А. С. Суворина, рядомъ остроумныхъ сопоставленій старавшагося доказать, что Димитрій могъ быть царевичемъ Димитріемъ, котораго успѣли спасти и укрыть въ монастырѣ. Такого же мнѣнія придерживался въ первыхъ своихъ изслѣдованіяхъ Пирлингъ, но затѣмъ, на основаніи разысканныхъ имъ документовъ, склонился въ пользу того положенія, что Димитрій—былъ монахъ Григорій Отрепьевъ. Польскій историкъ Смутнаго времени, Валишевскій, находитъ, что научно нельзя доказать, что Димитрій былъ или могъ быть истиннымъ царевичемъ. Проф. Бильбасовъ же высказываетъ убѣжденіе, что русскіе люди никогда не сомнѣвались въ томъ, что Лжедимитрій былъ именно Лжедимитрій; они, какъ полагаетъ проф. Бильбасовъ, не сомнѣвались въ этомъ даже тогда, когда съ крестами и хоругвями встрѣчали Димитрія при колокольномъ звонѣ и присягали ему, какъ своему законному царю Димитрію Іоанновичу...

XIV.

Бородавки Димитрія, какъ признакъ его происхожденія.

КОГДА въ Брагинѣ у князя Вишневецкаго появился безвѣстный юноша, утверждавшій, что онъ спасенный царевичъ Димитрій, то нашелся бѣглый москвичъ Петровскій, который бывалъ въ Угличѣ и подтвердилъ, что этотъ юноша дѣйствительно царевичъ, при чемъ въ качествѣ доказательства тождественности указалъ на бородавку на лицѣ юноши: такая же бородавка, по словамъ Петровскаго, была на лицѣ царевича Димитрія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ДИМИТРІЯ НА МЕДАЛИ, ЧЕКАНЕННОЙ ПОЛЯКАМИ КО ДНЮ КОРОНОВАНІЯ ДИМИТРІЯ.

Кругомъ надпись: «Димитрій Ивановичъ Бжю Млостью Чрь и великій князь Руси и всв тиски коронесть ины многи господины».

Спустя триста лѣтъ та же бородавка послужила одному ученому, проф. Вержбовскому, темою для изслѣдованія, въ которомъ онъ доказываетъ, что безвѣстный юноша былъ сынъ польскаго короля Стефана Баторія.

Дѣло въ томъ, что, какъ показываютъ медали и монеты съ изображеніями Стефана Баторія, у этого короля подъ правымъ глазомъ была небольшая бородавка. Такая же бородавка была и на лицѣ Димитрія, съ тою лишь разницею, что не ниже, а выше праваго глаза. Основываясь на этомъ и ссылаясь на фактъ, что бываютъ семьи, въ которыхъ извѣстные знаки или черты, въ родѣ бо-

родавокъ, переходятъ съ отца на сына въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, проф. Вержбовскій допускаетъ, что это же имѣло мѣсто и въ данномъ случаѣ—т. е. считаетъ бородавку Димитрія доказательствомъ его происхожденія отъ Баторія.

Что на лицѣ Димитрія дѣйствительно замѣтно выдѣлялись бородавки—это доказываютъ его портреты. Кромѣ того, когда послѣ гибели Самозванца явилось сомнѣніе, убитъ-ли дѣйствительно Димитрій или другой, то служившій при Димитріѣ Иванъ Бильчинскій разсказывалъ, что на лицѣ окровавленнаго, поруганнаго на Лобномъ мѣстѣ человѣка было лицо безъ бородавки — придавая, такимъ образомъ, особенное значеніе бородавкѣ. Въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго къ польскому королю Сигизмунду въ примѣтахъ Самозванца тоже указывается на «бородавку у носа», какъ на замѣтный отличительный признакъ, а папскій нунцій въ Краковѣ, Рангони, описывая въ своемъ донесеніи папѣ внѣшность Димитрія, говоритъ о «большой бородавкѣ, которая была у него на носу въ уровень съ правымъ глазомъ».

Любопытно, что на разныхъ портретахъ Самозванца имѣется то одна, то двѣ, то даже три бородавки: то на носу, около праваго глаза, то на лбу надъ лѣвымъ глазомъ, то около лѣваго глаза.

На старѣйшемъ гравированномъ портретѣ Самозванца, приложенномъ къ поздравительной брошюрѣ, изданной въ 1605 году въ Краковѣ, по случаю обрученія Марины съ Димитріемъ, на лицѣ Димитрія имѣется одна бородавка на носу, около праваго глаза. На другомъ же портретѣ, гравированномъ Киліаномъ въ Аугсбургѣ въ 1606 г., прибавлена еще бородавка на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ. Въ дармштадтской придворной библіотекѣ, въ

рукописномъ сборникѣ «Thesaurus picturarum», составленномъ въ 1572 — 1620 гг., находится акварельный портретъ Самозванца, схожій съ Киліановскимъ, но съ одной бородавкой. Въ переходахъ изъ Уфицци въ Палаццо Питти

ИЗОБРАЖЕНІЯ КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРІЯ НА ЧЕТЫРЕХЪ ПОЛЬСКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

во Флоренціи виситъ портретъ, писанный масляными красками, считающійся портретомъ Димитрія, на которомъ бородавокъ совсѣмъ нѣтъ. На единственномъ же портретѣ Самозванца въ гусарскомъ платьѣ, — портретѣ, гравированномъ на деревѣ и находящемся въ собраніи Чарторыжскихъ въ Краковѣ, — замѣтны цѣлыхъ три бо-

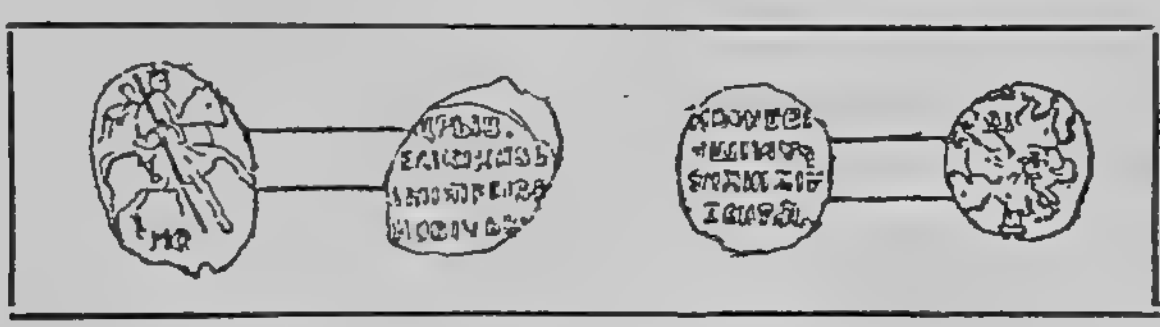
родавки, всѣ около лѣваго глаза, при чемъ большая мѣховая шапка закрываетъ лобъ, на которомъ, быть-можетъ, имѣется еще одна или нѣсколько бородавокъ.

Во всякомъ случаѣ, едва-ли можно принять бородавки за доказательство того, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ сыномъ Баторія.

Точно также и черты лица Димитрія, какъ онѣ переданы на сохранившихся портретахъ, не даютъ никакихъ указаній на его происхожденіе, тѣмъ болѣе, что портреты не схожи между собою: на одномъ у Димитрія носъ широкій, приплюснутый, на другомъ—орлиный; на серебряной же медали, которую Димитрій раздавалъ народу послѣ своего вѣнчанія, или на т. н. «Рублѣ Димитрія Самозванца», носъ у него почти прямой, обыкновенный. По описаніямъ однихъ современниковъ, лицо у Димитрія было широкое, желтовато-смуглое, уши длинныя, волосы русые, рыжеватые, глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы; по другимъ же — лицо у него было круглое, женское («бабье»), глаза маленькіе, взглядъ мрачный и т. д. Всѣ эти указанія, не говоря уже о томъ, что они рѣзко расходятся между собою, не даютъ никакого основанія усматривать сходство Димитрія со Стефаномъ Баторіемъ, какъ онъ изображенъ на современныхъ медаляхъ и портретахъ.

Нѣкоторые изслѣдователи пытались въ чертахъ характера Димитрія, насколько сохранились свѣдѣнія о нихъ въ его поступкахъ и разсказахъ современниковъ, найти ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи загадочнаго царя. При этомъ указывалось, что многими чертами характера Димитрій напоминалъ будто бы Іоанна Грознаго: у него было то же сочетаніе великодушія и жестокости, грусти и веселости, недовѣрія и чрезмѣрной

довѣрчивости, отсутствіе истиннаго чутья къ добру и злу, упорство въ достиженіи намѣченныхъ плановъ, болѣзненная нервность и пр. Польскій же историкъ Гиршбергъ, въ своемъ изслѣдованіи о Димитріѣ, доказываетъ, что характеромъ тотъ, котораго исторія называетъ Лжедимитріемъ, походилъ на польскаго короля Баторія. Самою выдающеюся чертою характера Баторія,—пишетъ Гиршбергъ, — была его страсть къ смѣлымъ и рискованнымъ предпріятіямъ; та же страсть замѣтна и въ пове-



МОСКОВСКІЯ МОНЕТЫ ВРЕМЕНИ ДИМИТРІЯ I.

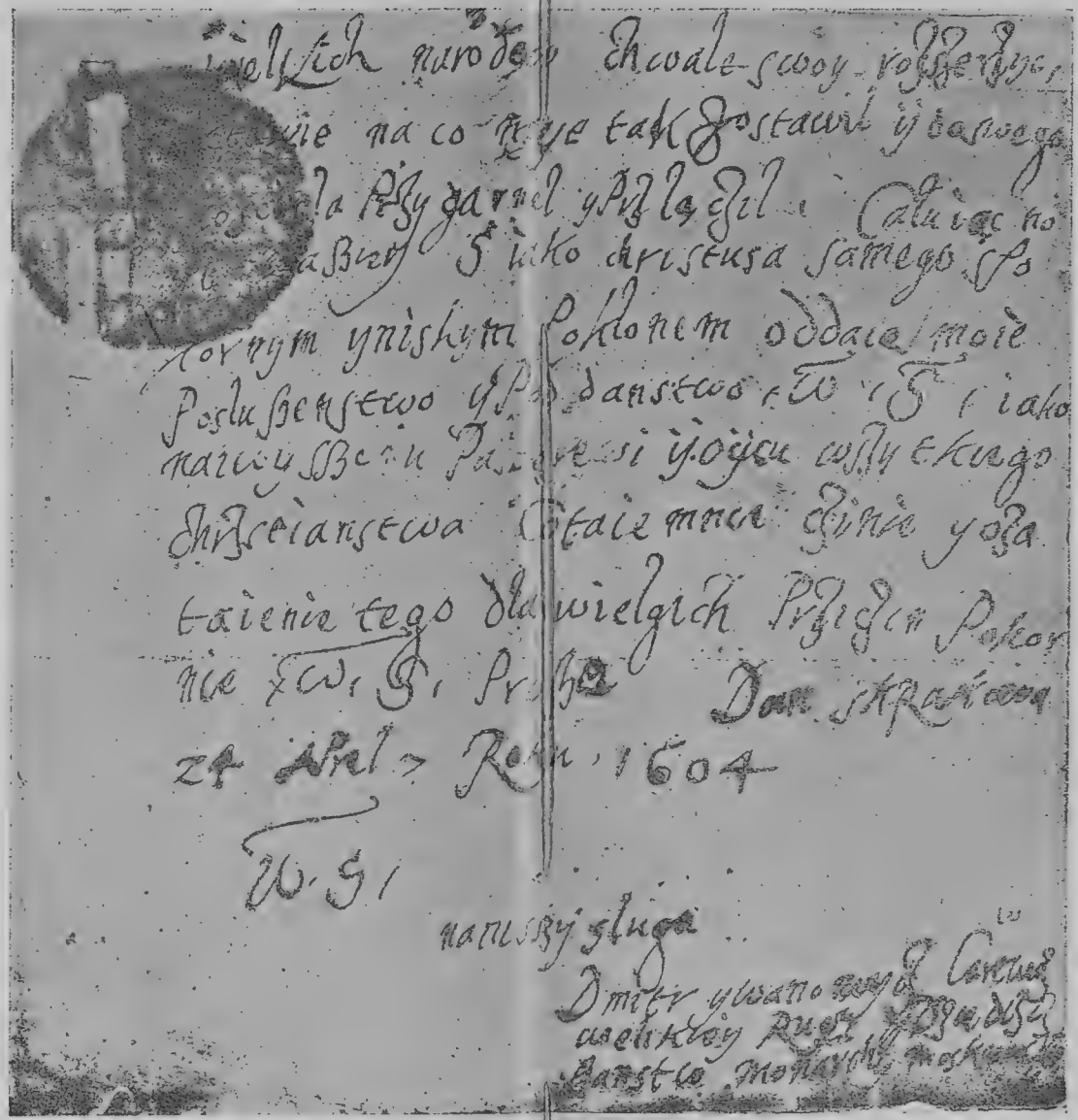
деніи Димитрія. Хотя Баторій былъ очень вспыльчивъ, но могъ быстро подавить гнѣвъ, легко забывалъ нанесенныя ему оскорбленія и отличался великодушіемъ. Баторій отличался любовью къ наукамъ и, въ особенности, къ военному дѣлу и самъ охотно занимался военными упражненіями. Онъ былъ страстный охотникъ и отличался необычайною энергіею. Всѣ эти черты явно выразились въ характерѣ и темпераментѣ Димитрія. И въ этомъ Гиршбергъ видитъ основательность своего мнѣнія, что тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, былъ сынъ Баторія.

Однако шаткія основанія, на которыхъ построено это мнѣніе, не нашли поддержки среди ученыхъ, какъ не нашли поддержки и предположенія, основанныя на бородавкахъ. Историческая наука,—какъ замѣтилъ одинъ изъ историковъ,—требуетъ менѣе хрупкихъ основаній.

XV.

Изслѣдованіе почерка и письма Димитрія.

Въ 1898 году, французскому историку, священнику о. Пирлингу, уже давно занимавшемуся въ римскихъ архивахъ поисками данныхъ, касательно личности Димитрія, удалось найти въ Ватиканскомъ архивѣ письмо, писанное собственноручно Димитріемъ римскому папѣ Клименту VIII. Въ этомъ письмѣ Димитрій просилъ помощи для достиженія московскаго престола. Письмо, пролежавшее цѣлыхъ три столѣтія въ архивѣ, было о. Пирлингомъ издано въ фотографическихъ снимкахъ. Написано оно было по-польски. Ученые историки стали доискиваться причины, почему русскій царевичъ, желающій достигнуть русскаго престола, написалъ письмо на поль-



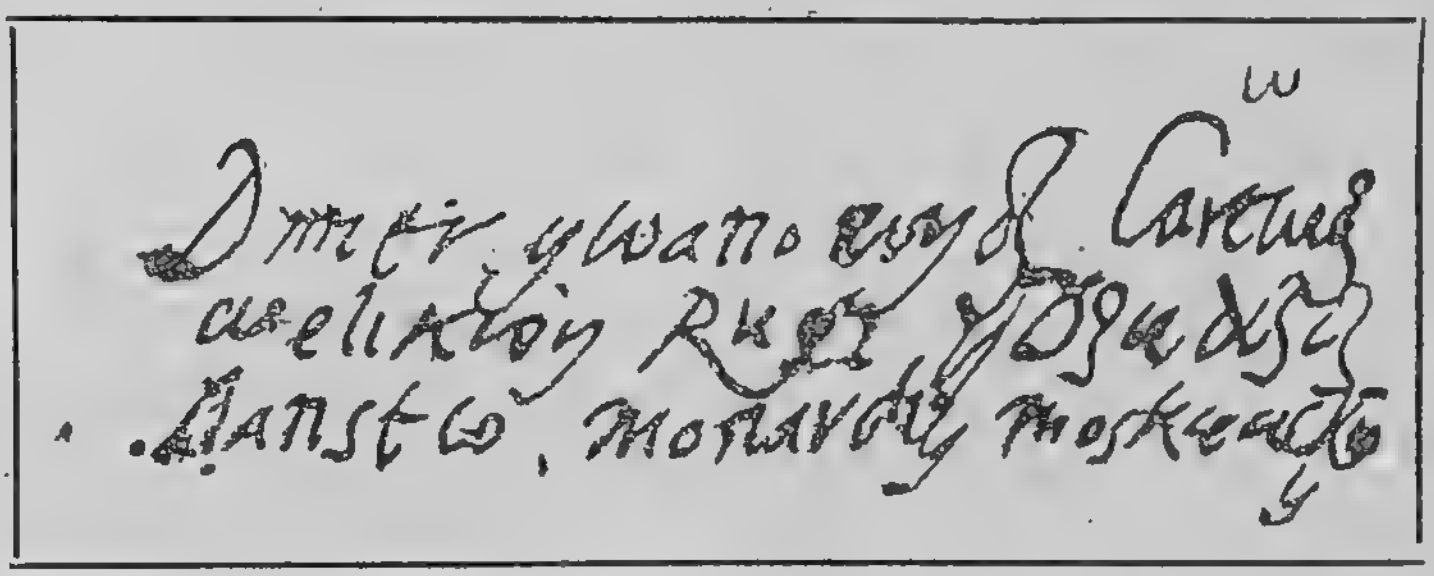
ПИСЬМО ДИМИТРІЯ I КЪ ПАПѢ КЛИМЕНТУ VIII, ОТПРАВЛЕННОЕ ИЗЪ КРАКОВА 24 АПРѢЛЯ 1604 г.
(По фотографіи съ подлинника, хранящагося въ Ватиканскомъ архивѣ).

скомъ языкѣ. И это обстоятельство объяснили тѣмъ, что окружавшіе Димитрія католическіе священники-поляки не знали русскаго языка и не въ состояніи были бы поэтому перевести его папѣ на латинскій языкъ, какъ это требовалось, въ виду незнанія папою славянскихъ языковъ. Вотъ почему Димитрій и рѣшился-де написать письмо по-польски, т.-е. на томъ языкѣ, который, по всѣмъ даннымъ, онъ, Димитрій, зналъ хорошо и который не представлялъ затрудненій при переводѣ для католическихъ священниковъ.

Но было высказано еще другое предположеніе: для Лжедимитрія было-де въ высшей степени важно скрыть содержаніе письма и даже самый фактъ переписки съ папою отъ немногихъ русскихъ, находившихся въ то время въ Краковѣ, — вотъ почему онъ написалъ это письмо по-польски.

Письмо носитъ подпись: «Дмитрій Ивановичъ Царе-

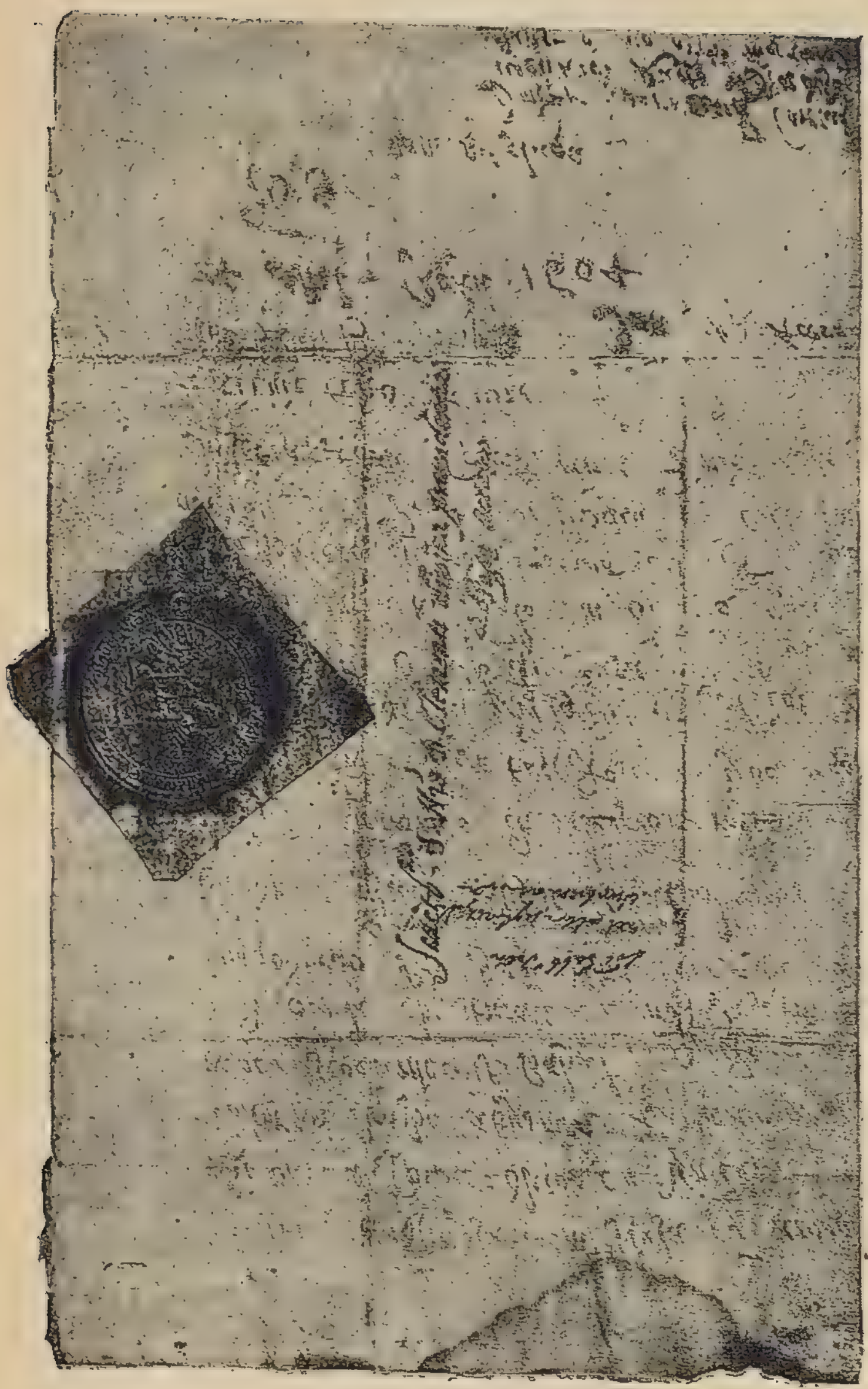
вичъ Великой Руси и наслѣдникъ владѣній московской монархіи». Въ началѣ письма Димитрій пишетъ нѣсколько словъ о своемъ происхожденіи: «Кто я, дерзающій писать Вашему Святѣйшеству, изъяснитъ Высокопреподобный посолъ Вашего Святѣйшества при его Величествѣ королѣ польскомъ, которому я открылъ свои приключенія. Убѣгая отъ тирана и уходя отъ смерти, отъ которой еще въ дѣтствѣ избавилъ меня Господь Богъ дивнымъ своимъ промысломъ, я сначала проживалъ въ самомъ московскомъ государствѣ до извѣстнаго времени между чернецами, потомъ



ОТДѢЛЬНЫЙ СНИМОКЪ СЪ ПОДПИСЬЮ ДИМИТРІЯ I НА ПИСЬМѢ ПАПѢ КЛИМЕНТУ VIII.

въ польскихъ предѣлахъ въ безвѣстіи и тайнѣ. Настало время, когда я долженъ былъ открыться» и т. д., и т. д.

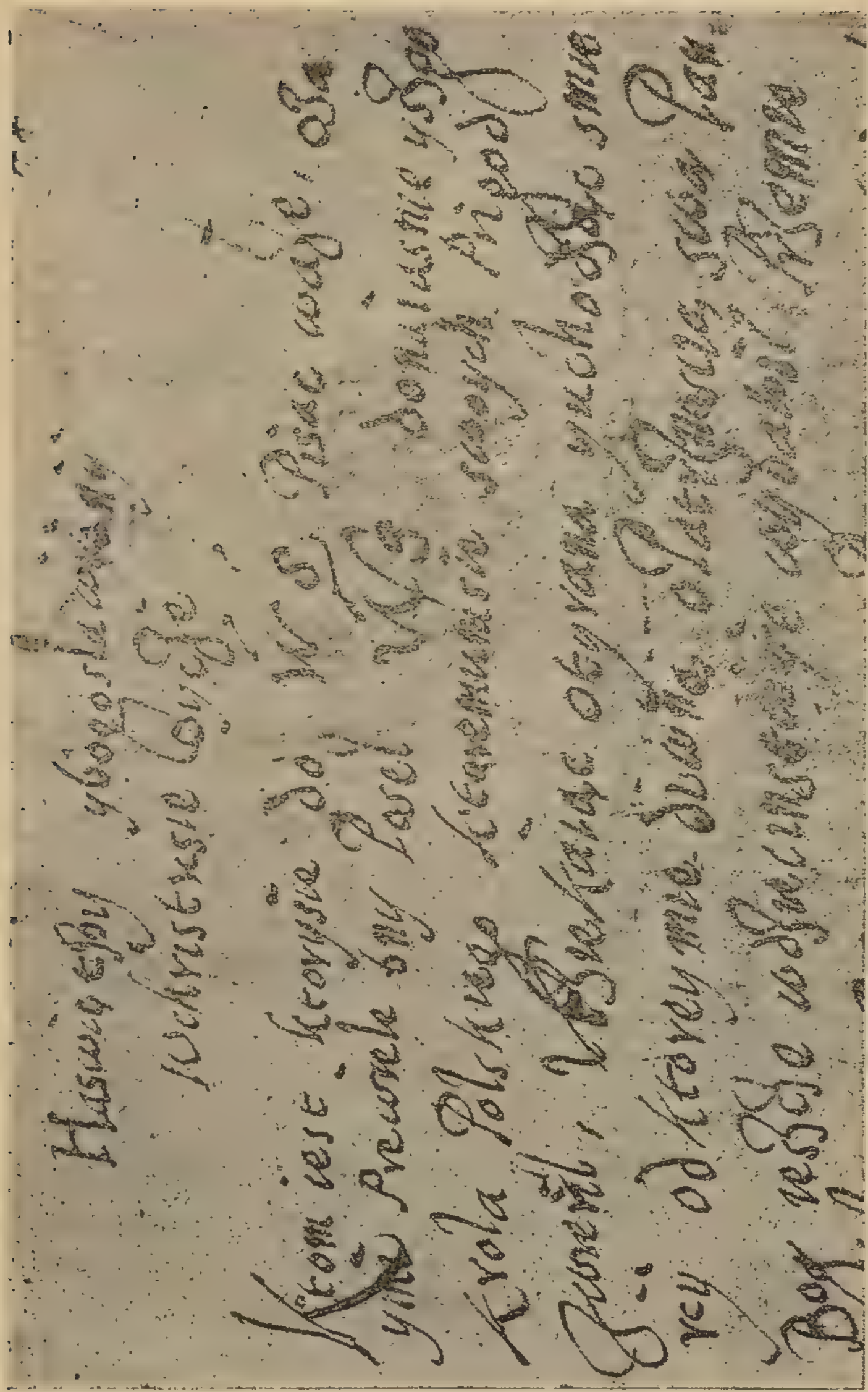
Письмо это или, точнѣе, фототипическіе съ него снимки, были подвергнуты двумя учеными знатоками древней польской письменности, приватъ-доцентомъ С. Л. Пташицкимъ и проф. И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ, подробному разслѣдованію. Разслѣдованіе это привело перваго изъ названныхъ ученыхъ къ выводу, что подлинникъ письма былъ составленъ природнымъ полякомъ, совершенно свободно владѣвшимъ польскою литературною рѣчью, и затѣмъ переписанъ человѣкомъ, съ трудомъ овладѣвшимъ особенностями польскаго письма, не имѣв-



ПИСЬМО ДИМИТРІЯ I КЪ ПАПѢ КЛИМЕНТУ VIII: НАРУЖНАЯ ЧАСТЬ СЪ АДРЕСОМЪ И ПЕЧАТЬЮ.
(Фотографія съ подлинника, хранящагося въ Ватиканскомъ музеѣ).

шимъ навыка въ польскомъ письмѣ и постоянно изобличавшимъ свое великорусское происхожденіе и образованіе. Въ виду такой двойственности—хорошаго текста и плохой переписки — г. Пташицкій приходитъ къ заключенію, что Самозванецъ переписывалъ готовый текстъ, составленный для него лицомъ опытнымъ въ польскомъ языкѣ. А такъ какъ не подлежитъ будто бы сомнѣнію, что письмо переписано собственноручно самимъ Самозванцемъ, то оно, — по мнѣнію г. Пташицкаго, — свидѣтельствуетъ, что Самозванецъ былъ лицомъ великорусскаго происхожденія, не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польской графикой.

Мнѣніе другого изслѣдователя того же письма, проф. Бодуэна-де-Куртенэ, довольно рѣзко отличается въ своихъ выводахъ отъ мнѣнія г. Пташицкаго. Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ, правда, приходитъ тоже къ заключенію, что писавшій письмо Димитрія былъ лингвистически прежде всего великороссомъ, раньше всего учился писать на церковно-русскомъ языкѣ и только впослѣдствіи выучился говорить и писать по-польски, при чемъ не чуждался и латинской письменности. Но въ то же время проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ оспариваетъ мнѣніе Пташицкаго, будто письмо переписано Самозванцемъ, замѣчая, что если бы Самозванецъ рабски только копировалъ лежавшій передъ нимъ образецъ, составленный опытною рукою польскаго священника, то онъ не надѣлалъ бы замѣченныхъ ошибокъ и графическихъ отклоненій, — вообще сумѣлъ бы переписать точнѣе. Возставая противъ того, что Самозванецъ, въ данномъ случаѣ, «сыгралъ роль простого переписчика», проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ полагаетъ, что скорѣе слѣдуетъ допустить, что письмо было диктовано Димитрію съ заготовленнаго раньше чер-



ПИСЬМО ДИМИТРІЯ I КЪ ПАПѢ КЛИМЕНТУ VIII: ЗАГОЛОВОКЪ И НАЧАЛО.
(По фотографіи съ подлинника).

нового письма, очевидно составленнаго съ его вѣдома и по его волѣ.

Кромѣ названныхъ двухъ ученыхъ, свои соображенія объ этомъ письмѣ высказали и другіе. Такъ, проф. Соболевскій признаетъ почеркъ письма Самозванца—московскимъ почеркомъ, а о. Пирлингъ считаетъ письмо фактическимъ подтвержденіемъ показаній, что Самозванецъ принадлежалъ къ русскому монашескому сословію.

Если бы доводы, выставленные названными изслѣдователями, были убѣдительны и неоспоримы, то, понятно, вопросъ о происхожденіи Самозванца можно было бы считать наполовину рѣшеннымъ,—а именно, что назвавшій себя царевичемъ Димитріемъ былъ человѣкъ русскаго происхожденія. Но вѣдь и здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ предположеніями, догадками, которыя могутъ быть истолкованы такъ же разнородно, какъ и всѣ другія догадки о личности Димитрія.

XVI.
Донесенія иностраннымъ правительствамъ о личности Димитрія.

Какъ трудно было разобраться даже современникамъ Димитрія въ вопросѣ—кто онъ такой, свидѣтельствуютъ, кромѣ упомянутыхъ уже записокъ иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, тѣ донесенія иностранныхъ дипломатовъ, современниковъ появленія Димитрія, которыя они дѣлали своимъ правительствамъ или своимъ начальникамъ.

Во времена царствованія Димитрія такихъ офиціальныхъ дипломатовъ, агентовъ или посланниковъ, какъ теперь выражаются, «аккредитированныхъ», при дворѣ мо-

сковскаго царя еще не было, поэтому и непосредственныхъ донесеній изъ Москвы о личности Димитрія иностранныя правительства получать не могли. Но представители иностранныхъ государствъ, жившіе въ сосѣднихъ странахъ, считали своимъ долгомъ извѣстить свои правительства о томъ, какіе слухи дошли до нихъ о загадочномъ московскомъ царѣ. Такъ, австрійскій корреспондентъ, т. е. агентъ, въ Краковѣ, увѣдомлявшій австрійскій дворъ о всѣхъ событіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ, доносилъ своему правительству еще въ январѣ 1604 г., что Димитрій—сынъ одного изъ монарховъ. О томъ же доносили императору Рудольфу II его комиссары Гофманъ и Имгофъ изъ Колошвара въ томъ же 1604 г., а полякъ Жеромскій, въ письмѣ къ польскому католическому епископу Рудницкому отъ 26 января 1606 г., высказываетъ мнѣніе, что Димитрій—трансильванецъ.

РѢЗНАЯ ФИГУРА СПАСИТЕЛЯ, ОСТАВЛЕННАЯ ВЪ ПУТИВЛѢ КАТОЛИЧЕСКИМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ, СОПРОВОЖДАВШИМЪ ДИМИТРІЯ, И ХРАНЯЩАЯСЯ НЫНѢ ВЪ ПУТИВЛЬСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Затѣмъ имѣются еще другія современныя донесенія иностраннымъ правительствамъ о личности Димитрія,

имѣющія офиціальный характеръ. Такъ, когда въ 1603 г. слухи о Димитріѣ, появившемся у князя Вишневецкаго, дошли до короля польскаго Сигизмунда, тотъ потребовалъ отъ князя Вишневецкаго подробныхъ объясненій о загадочномъ пришельцѣ. Вишневецкій исполнилъ данное ему порученіе и представилъ докладъ, который король вручилъ папскому нунцію Рангони, находившемуся въ Краковѣ. Нунцій же препроводилъ означенный докладъ въ латинскомъ переводѣ въ Римъ, къ папѣ, съ депешею, помѣченною 8 ноября 1603 года. Этотъ докладъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ найденъ въ ватиканскихъ архивахъ. Написанъ онъ со словъ будто бы самого Димитрія и въ немъ разсказывается, какъ Димитрій былъ спасенъ въ Угличѣ учителемъ, узнавшимъ заблаговременно о злоумышленіи на его жизнь и укрывшимъ царевича, какъ затѣмъ Димитрій для укрытія себя поступилъ въ монахи, какъ появился у князя Вишневецкаго и признался, что онъ сынъ московскаго царя.

Что касается папы Климента VIII, которому его нунцій Рангони доставилъ переводъ доклада Вишневецкаго о подлинности Димитрія и его чудесномъ спасеніи, то онъ отнесся къ нему недовѣрчиво и на донесеніи нунція написалъ: «Это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго», намекая на исторію появленія въ Португаліи Лжесебастіана. Однако Рангони все же продолжалъ вѣрить въ царственное происхожденіе Димитрія и, повидавъ его лично въ Краковѣ, на пиру у Мнишека, доносилъ въ Римъ папѣ, что это «молодой человѣкъ съ хорошею выправкой, что бѣлая продолговатая кисть его руки указываетъ на его высокое происхожденіе и что въ его поступкахъ и манерахъ отражается поистинѣ что-то великое».

Послѣ того, какъ Димитрій, въ качествѣ искателя московскаго престола, лично, въ торжественной аудіенціи, былъ принятъ королемъ Сигизмундомъ, въ присутствіи этого же нунція Рангони, король чрезъ своего вице-канцлера Петроконскаго заявилъ ему, что вѣритъ въ его царское происхожденіе и признаетъ истиннымъ царевичемъ; что же касается помощи въ достиженіи престола, то разрѣшаетъ ему обратиться къ польскимъ сановникамъ и вельможамъ, отъ которыхъ зависитъ окончательное въ этомъ отношеніи рѣшеніе.

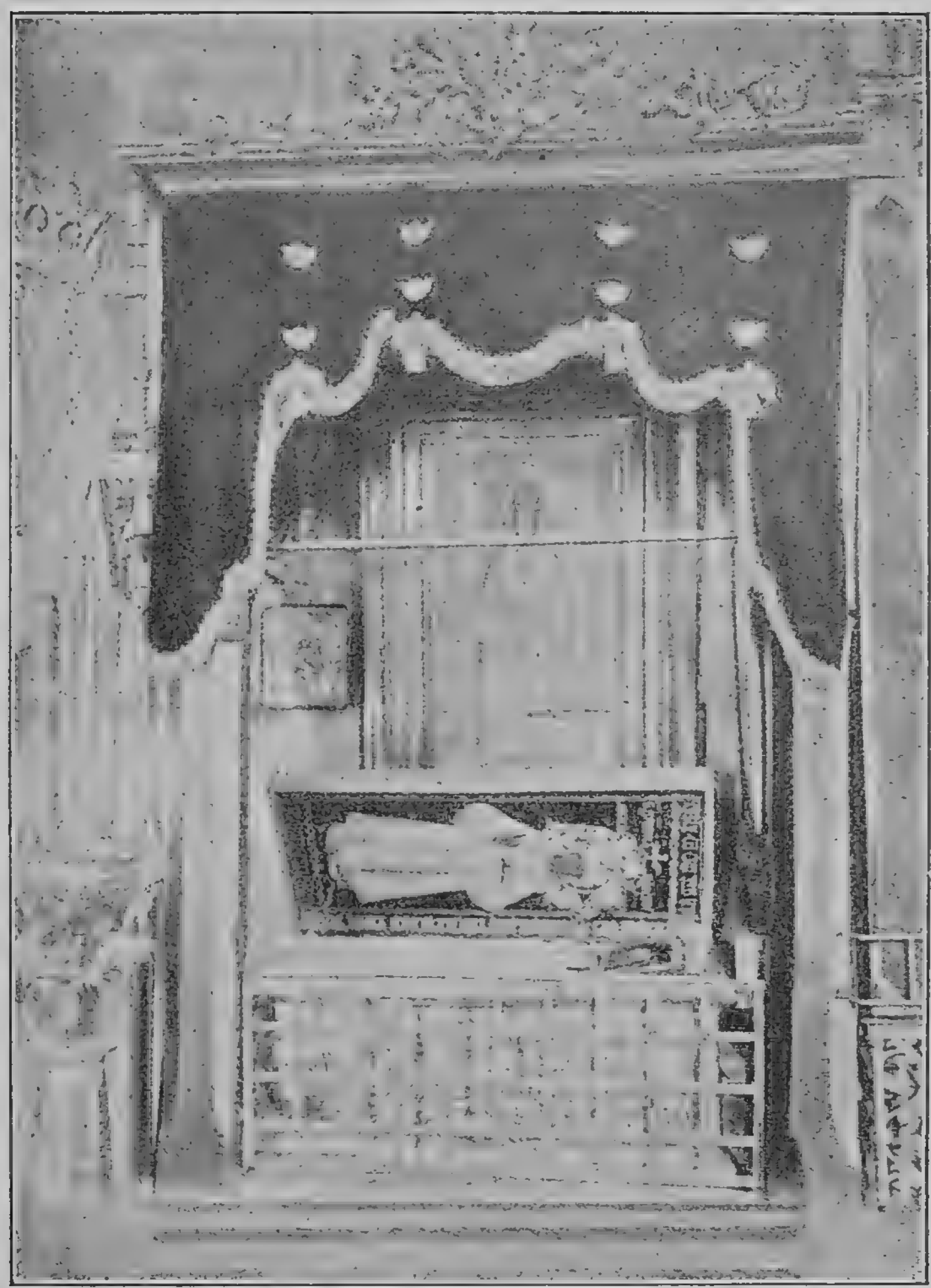
ЗОЛОТАЯ БУЛЛА ДИМИТРІЯ I,
которая прикладывалась къ наиболѣе важнымъ государственнымъ документамъ.

Однако большинство вліятельныхъ польскихъ сановниковъ и вельможъ усомнились въ достовѣрности сообщеннаго Димитріемъ разсказа и на польскомъ сеймѣ открыто заявили, что считаютъ Димитрія — самозванцемъ, и что польское правительство не должно оказывать своей помощи неизвѣстному человѣку въ достиженіи московскаго престола. Особенно рѣзко выступилъ противъ Димитрія польскій канцлеръ Замойскій. Когда вопросъ объ оказаніи помощи Димитрію былъ возбужденъ на сеймѣ въ Варшавѣ въ 1605 году, Замойскій выступилъ съ громовой рѣчью, въ которой доказывалъ, что такія сказочныя чудесныя превращенія убитыхъ царевичей въ живыхъ претендентовъ на престолъ встрѣчаются только «въ комедіяхъ Плавта или Теренція». Не менѣе рѣзко высказался противъ Димитрія канцлеръ Литовскій Левъ Сапѣга, указывая, что показанія мнимаго царевича противорѣчатъ дѣйствительности. И, въ концѣ-концовъ, сеймъ отказалъ въ помощи Димитрію,

и походъ въ Москву былъ предпринятъ Димитріемъ лишь благодаря денежной помощи и содѣйствію Мнишека, его приверженцевъ и примкнувшихъ къ нимъ казаковъ.

Однако, когда Димитрій достигъ трона, король Сигизмундъ, въ 1605 году, послалъ къ нему въ Москву офиціально своихъ пословъ съ «братскимъ поклономъ», а вступившій на папскій престолъ папа Павелъ V обратился къ Димитрію съ письмомъ, какъ къ настоящему царю.

Раньше этого, въ 1604 году, когда императоръ германскій чрезъ особаго посланника извѣщалъ Бориса Годунова, какъ союзнаго себѣ государя, о появленіи въ Польшѣ Димитрія и совѣтовалъ быть осторожнымъ, Борисъ велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе, но добавилъ, что настоящаго царевича Димитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это какой-то обманщикъ, съ помощью котораго поляки думали возмутить его государство. Въ первой же грамотѣ своей къ иностраннымъ правительствамъ, когда только что раздались слухи о появленіи Димитрія, Борисъ Годуновъ, допуская возможность, что выдающій себя за царевича безвѣстный юноша на самомъ дѣлѣ—сынъ Іоанна Грознаго, утверждалъ, что все-таки этотъ юноша не имѣетъ никакихъ правъ на престолъ, какъ сынъ седьмой жены Іоанна, потому что православная церковь не признаетъ законнымъ такой бракъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ грамотахъ правительство Годунова отказалось однако отъ предположенія, что выдававшій себя за Димитрія — сынъ Грознаго, и категорически заявило, что онъ на самомъ дѣлѣ бѣглый монахъ «разстрига» Гришка Отрепьевъ, «который жилъ у Романовыхъ во дворѣ». Для доказательства, что это дѣйствительно такъ, Борисъ Годуновъ посылалъ въ Литву гонца Смирного-Отрепьева, родного дядю Григорія Отрепьева, который долженъ былъ ули-



РАКА СЪ НЕТЛѢННЫМИ МОЩАМИ ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ, СЪ ВЫШИТЫМЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЦАРЕВИЧА,
въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ.

чить самозванца; гонцу заявили, что на такое слѣдствіе нужно согласіе сейма и короля. Борисъ Годуновъ послалъ тогда на сеймъ въ Варшавѣ дворянина Постника-Огарева,

который старался убѣдить польскихъ сенаторовъ въ томъ, что Димитрій сынъ какого-то сапожника, попавшій въ писцы къ архимандриту, и что раньше, нежели принять имя царевича Димитрія, назывался Димитрій Реоровичъ. А потому Огаревъ требовалъ или казни, или выдачи самозванца. Въ отвѣтъ на требованіе Огарева, канцлеръ Сапѣга заявилъ, что польское правительство не оказываетъ помощи Димитрію, а поддерживаютъ его частныя лица и казаки, которымъ правительство запретить этого не можетъ, и что, кромѣ того, Димитрій уже не находится въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловитъ московское правительство.

Патріархъ Іовъ, въ окружной грамотѣ 14 января 1605 года къ духовенству, заявилъ, что мнимый Димитрій—бѣглый монахъ, при чемъ ссылался на свидѣтелей — двухъ монаховъ, сознавшихся, что они признали его на пути изъ Москвы въ Кіевъ.

Василій Шуйскій, ставъ царемъ, въ письмѣ къ рагузскому князю Матвѣю (брату Рудольфа II), въ маѣ 1607 г. называлъ Димитрія «мнимымъ иностраннымъ княземъ», но въ извѣстительныхъ грамотахъ о вступленіи своемъ на престолъ сообщалъ, что царствовавшій подъ именемъ Димитрія былъ «воръ, еретикъ и разстрига Гришка Отрепьевъ, который хотѣлъ разорить московское государство, искоренить московскую вѣру, побить всѣхъ бояръ и думныхъ людей и т. д.». Устроенное по почину Шуйскаго торжественное перенесеніе мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву и причисленіе царевича къ лику святыхъ окончательно должны были убѣдить всѣхъ, что мнимый Димитрій ничего общаго съ настоящимъ царевичемъ Димитріемъ не имѣетъ.

Правительство Михаила Ѳеодоровича, въ своемъ обра-

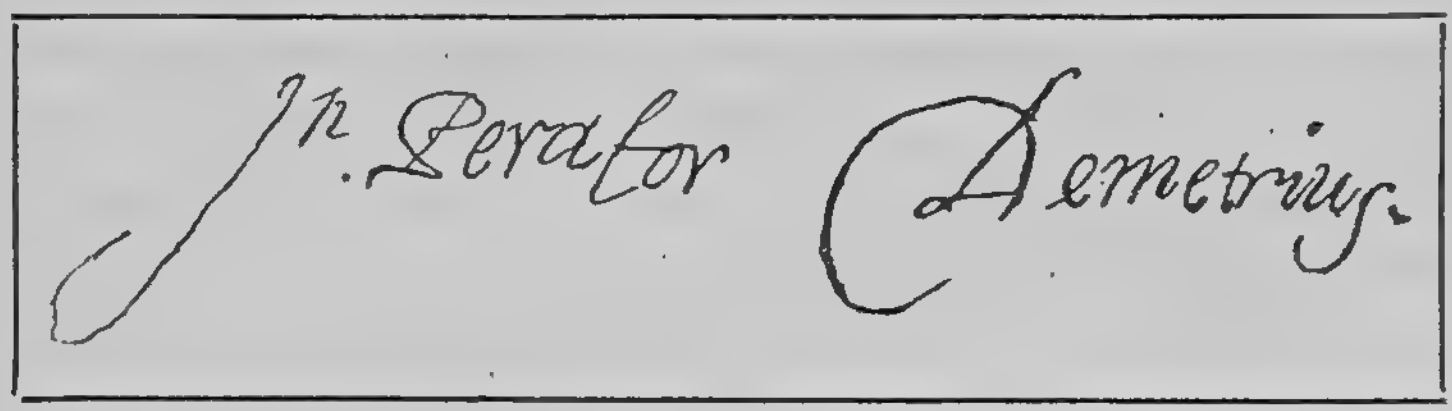
щеніи къ польскому сейму, который оно обвиняло въ оказаніи поддержки Самозванцу, считаетъ тождество Димитрія съ монахомъ-разстригою уже неоспоримымъ фактомъ.

Съ тѣхъ поръ офиціально было признано, что выдававшій себя за Димитрія — былъ Гришка Отрепьевъ, бѣглый монахъ-разстрига.

XVII.

Орѳографическая ошибка, какъ доказательство происхожденія Димитрія.

Еще будучи въ Краковѣ, только претендентомъ на московскій престолъ, Димитрій уже любилъ подписываться «Императоръ Московскій». Въ числѣ подписей Димитрія, относящихся къ тому времени, сохранилась одна, на латинскомъ языкѣ, въ которой будущій



ПОДПИСЬ ДИМИТРІЯ I НА ЛАТИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ, СЪ ХАРАКТЕРНОЙ ОШИБКОЮ ВЪ СЛОВѢ Imperator (вмѣсто Imperator — In perator), свидѣтельствующей, что Димитрій не зналъ латинскаго языка.
(По Погодину).

императоръ сдѣлалъ крупную ошибку: вмѣсто «Imperator», онъ подписался: «In perator». Эта ошибка явилась для нѣкоторыхъ историковъ существеннымъ указаніемъ и даже доказательствомъ, что Димитрій—не былъ полякъ-

католикъ и не могъ получить воспитанія у іезуитовъ и что эта орѳографическая ошибка устраняетъ всѣ предположенія о томъ, будто Димитрій былъ «созданъ» и «подготовленъ» къ роли царя—поляками. Дѣло въ томъ, что латинскій языкъ вообще былъ сильно распространенъ среди поляковъ въ XVII вѣкѣ и всѣ образованные поляки знали его въ совершенствѣ. Если-бъ Димитрій былъ полякъ и если-бъ онъ, какъ предполагали, получилъ образованіе въ какомъ-нибудь католическомъ монастырѣ или даже пробылъ въ такомъ монастырѣ болѣе продолжительное время, онъ зналъ бы по-латыни и не могъ бы сдѣлать столь крупной, бросающейся въ глаза орѳографической ошибки, онъ зналъ бы, что Imperator—это одно слово и что оно пишется Imperator, а не In perator. Другое дѣло москвичъ, воспитанный въ русскомъ монастырѣ, гдѣ обучали латинскому языку: москвичъ XVII вѣка легко могъ сдѣлать такую ошибку. И вотъ на основаніи этихъ соображеній, нѣкоторые историки прямо высказываютъ убѣжденіе, что орѳографическая ошибка въ сохранившейся подписи Димитрія есть одно изъ доказательствъ, что онъ былъ человѣкъ русскаго происхожденія и что всѣ предположенія относительно того, что онъ полякъ, отпадаютъ.

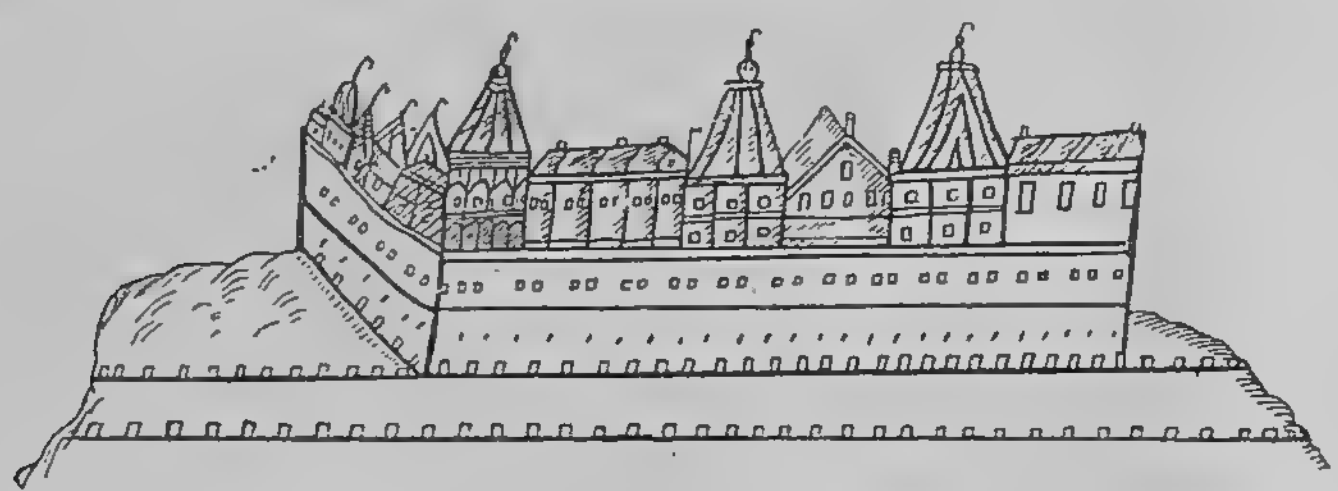
XVIII.

„Построеніе“ о двухъ Димитріяхъ.

Среди многочисленныхъ предположеній и догадокъ относительно личности Димитрія I, совершенно обособленное мѣсто занимаетъ мнѣніе одного изъ новѣйшихъ историковъ Димитрія—проф. Щепкина, ко-

торый полагаетъ, что существовали два Димитрія или, точнѣе, два Григорія Отрепьевыхъ.

На такое, на первый взглядъ, странное предположеніе прежде всего наводитъ та удивительная двойственность въ характеристикѣ Димитрія, которая замѣчается въ описаніяхъ современниковъ: по однимъ указаніямъ это былъ человѣкъ уже среднихъ лѣтъ, преданный пьянству, грубый, неотесанный; по другимъ—это былъ пылкій юноша, отличавшійся храбростью и смѣлостью, одарен-

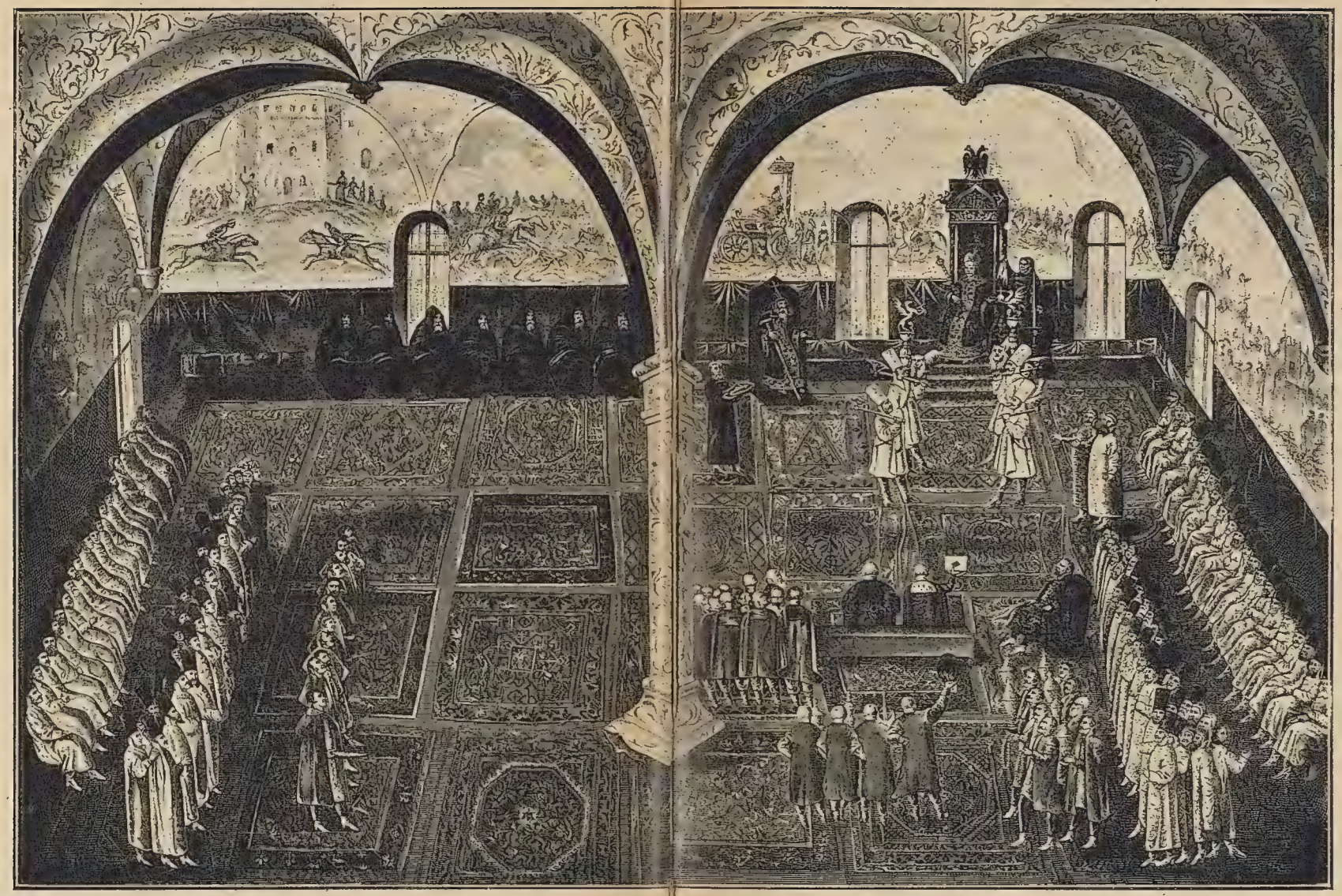


ДВОРЕЦЪ, ПОСТРОЕННЫЙ ДИМИТРІЕМЪ, ВЪ КРЕМЛѢ, ВЪ КОТОРОМЪ ОНЪ БЫЛЪ УБИТЪ.
Снимокъ съ рисунка голландца Масса изъ Гарлема, жившаго въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.

ный живымъ умомъ, скромный и сдержанный, сохранившій въ походкѣ и манерахъ что-то величественное.

Затѣмъ изслѣдованія родословной Отрепьевыхъ, параллельно съ историческими сказаніями и лѣтописями, показываютъ, что въ родѣ Отрепьевыхъ, къ которому, какъ доказывали и правительство Годунова, и правительство Василія Шуйскаго, принадлежалъ Димитрій, существовали два Богдана Отрепьева—одинъ изъ Галича, другой изъ Углича. Отчество же того Григорія Отрепьева, котораго считаютъ самозванцемъ,—было по этимъ же даннымъ Богдановъ.

Сопоставляя эти указанія, проф. Щепкинъ признаетъ на ряду съ Григоріемъ Богдановымъ Отрепьевымъ—монахомъ-разстригою,—существованіе другого еще Григорія



ПРІЕМЪ ДИМИТРІЕМЪ I ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТѢ ВЪ МОСКВѢ, 13 МАЯ 1606 ГОДА.
(Картина неизвѣстнаго современнаго художника, хранящаяся въ Историческомъ музеѣ въ Пештѣ).

Богдановича Отрепьева, инока, постриженнаго на 14-мъ году жизни св. Трифономъ въ Москвѣ.

Изъ этихъ двухъ Отрепьевыхъ—первый былъ только второстепеннымъ участникомъ и пособникомъ, второй же—героемъ обширнаго замысла завладѣнія московскимъ престоломъ подъ именемъ Димитрія I.

Но въ интересахъ Годунова и Шуйскаго было свести эти двѣ жизни на имя одного инока Отрепьева и приписать ему всѣ отрицательныя черты перваго изъ нихъ съ цѣлью вызвать къ нему общее презрѣніе.

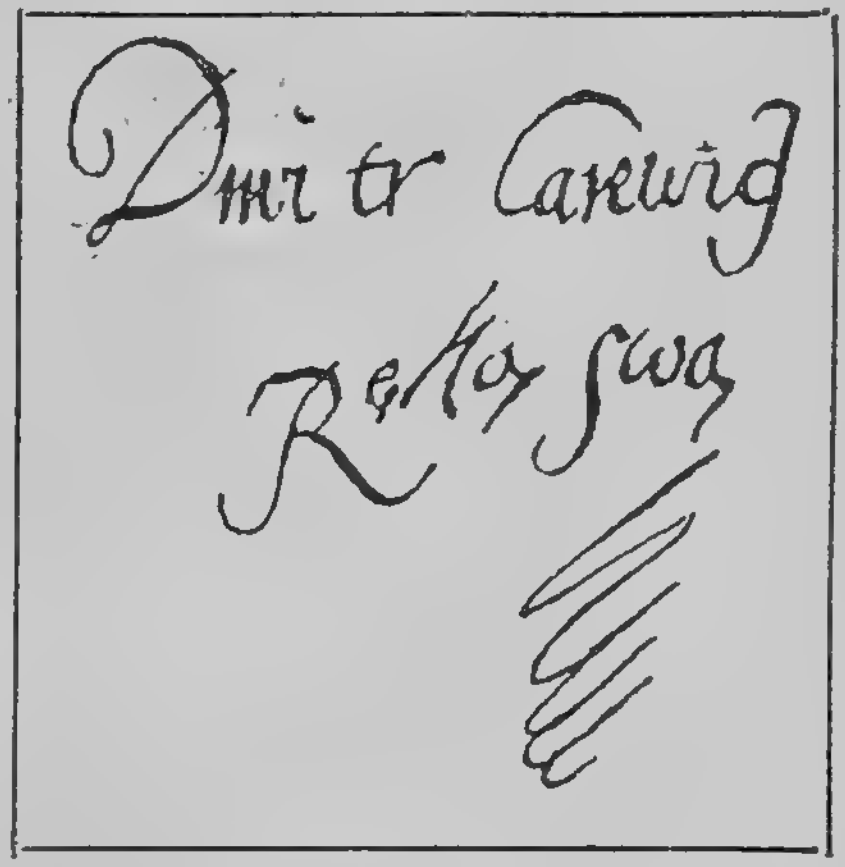
Второй изъ носившихъ фамилію Отрепьевыхъ—тотъ, который сталъ царемъ,—по предположенію проф. Щепкина,—на самомъ дѣлѣ, однако, вовсе не принадлежалъ къ этому роду: въ лицѣ его былъ вѣроятно скрытъ незаконный отпрыскъ царскаго рода или членъ одного изъ боярскихъ семействъ, имѣвшихъ въ глазахъ народа такія же права на престолъ, какъ и Годуновъ.

Итакъ, рядомъ съ Гришкой Отрепьевымъ, монахомъ-разстригою существовалъ, тоже подъ именемъ Григорія Отрепьева, другой таинственный загадочный человѣкъ, неизвѣстнаго, но благороднаго происхожденія.

Высказывая такое предположеніе, проф. Щепкинъ называетъ его «довольно сложнымъ на первый взглядъ построеніемъ», которое однако можетъ служить разрѣшеніемъ главныхъ противорѣчій въ источникахъ и примиреніемъ исконнаго преданія объ Отрепьевѣ съ исторически возстановленнымъ теперь образомъ царя Димитрія I.

Предположеніе о двухъ Димитріяхъ подтверждаетъ до нѣкоторой степени приведенный раньше разсказъ о воспитанникѣ Григорія Отрепьева (гл. VI). Но кромѣ того имѣются и другія данныя, которыя могутъ служить подтвержденіемъ этого «построенія».

Такъ, напр., когда Григорія Отрепьева, по распоряженію Годунова, стали проклинать по церквамъ, то въ народѣ говорили: «пусть проклинаютъ Гришку, царевичу до Гришки дѣла нѣтъ!» Извѣстно также, что Димитрій, зная, что Годуновъ и его приверженцы отожествляютъ его съ бѣглымъ монахомъ Отрепьевымъ, въ походѣ на Москву держалъ при себѣ монаха Отрепьева, чтобы такимъ образомъ доказать всѣмъ сомнѣвающимся, что онъ самъ отнюдь не Григорій Отрепьевъ.



польская подпись димитрія I.
(По Погодину).

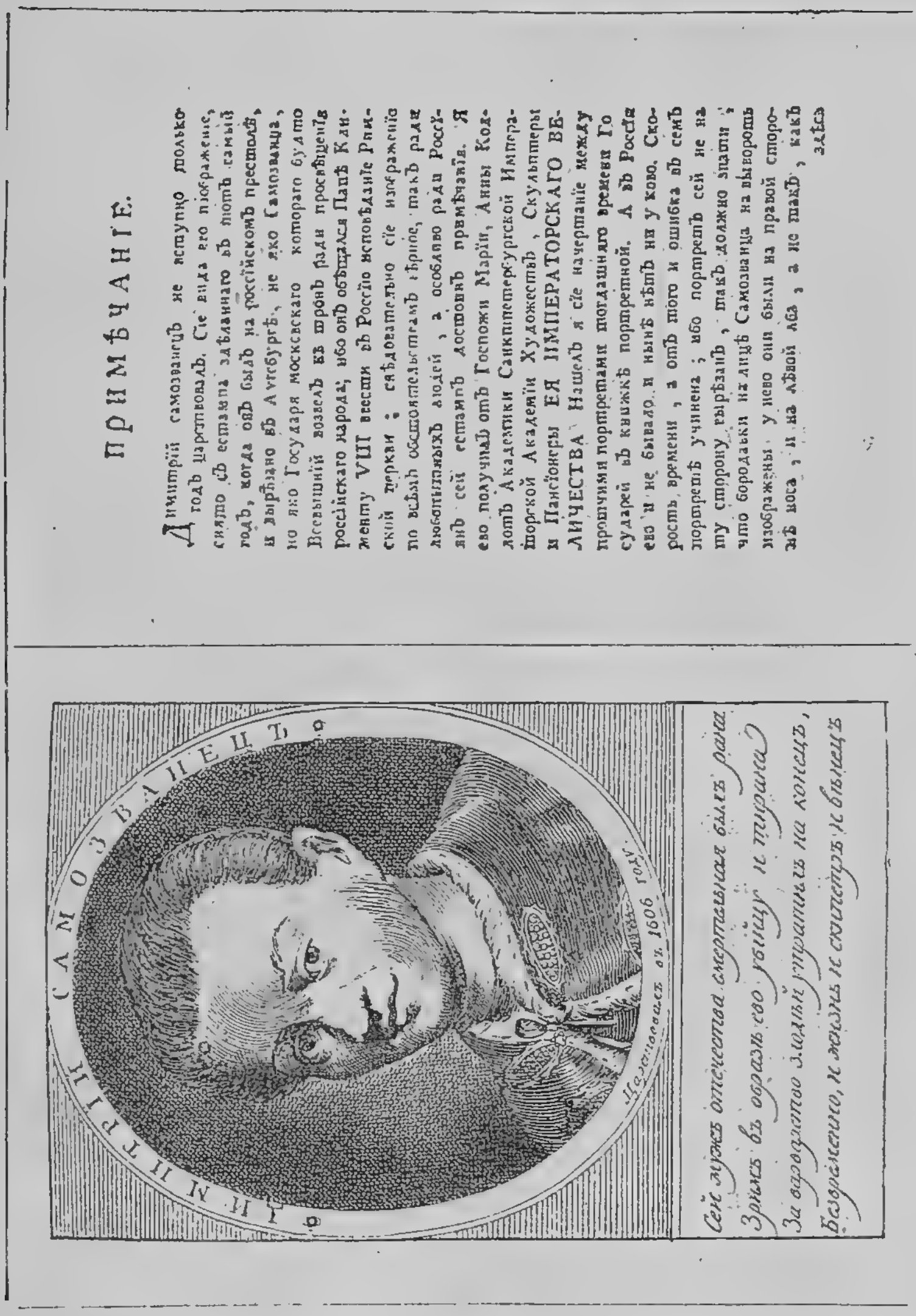
Кромѣ проф. Щепкина, предположеніе о двухъ Димитріяхъ было высказано историкомъ Павловымъ (Бицинымъ), который полагалъ, что Гришка Отрепьевъ былъ подготовленъ къ роли самозванца московскими боярами и ими посланъ въ Польшу, а Лжедимитрій I подставленъ поляками и іезуитами и ими посаженъ на московскій престолъ. Къ этому мнѣнію примыкаетъ взглядъ польскихъ историковъ Шуйскаго и Калинки, по мнѣнію которыхъ Димитрій былъ орудіемъ въ рукахъ польскихъ мятежниковъ (Зебржидовскаго и др.), стремившихся посадить его на московскій тронъ, чтобы впослѣдствіи, съ его помощью, свергнуть короля Сигизмунда съ польскаго трона и посадить на немъ Димитрія. Но это предположеніе признается польскимъ же историкомъ, проф. Бобржинскимъ, «слишкомъ смѣлой гипотезою», хотя названный историкъ и считаетъ,

что Димитрій главнымъ образомъ опирался на польскихъ іезуитовъ. Съ этимъ мнѣніемъ о существованіи второго Димитрія—польскаго происхожденія—можно бы до извѣстной степени примирить взглядъ проф. Иловайскаго, который и во внѣшнихъ чертахъ Димитрія, и въ его характерѣ, и въ его привычкахъ—видитъ настоящаго поляка. Но, съ другой стороны, будь Димитрій полякъ—онъ вѣроятно иначе отнесся бы къ польскому посольству, прибывшему въ Москву въ маѣ 1606 года и не выступалъ бы такъ гордо и надменно защитникомъ своего титула «московскаго императора» (какъ это онъ сдѣлалъ согласно достовѣрнымъ отчетамъ самихъ пословъ), ибо онъ рисковалъ-бы, что поляки какимъ-нибудь намекомъ могли напомнить ему, что онъ не москвичъ.

XIX.

Димитрій Самозванецъ въ романахъ, повѣстяхъ, трагедіяхъ и драмахъ.

НЕ одни только ученые историки занимались личностью Димитрія Перваго, пытались опредѣлить его происхожденіе и высказывали свои соображенія и догадки по этому поводу. Личность загадочнаго человѣка, царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, интересовала и многихъ романистовъ, поэтовъ, драматурговъ, избравшихъ его героемъ своихъ произведеній. Существуетъ, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ, цѣлый рядъ историческихъ романовъ, драмъ и поэмъ, наконецъ повѣстей для юношества, въ которыхъ авторы, выводя личность Димитрія, высказываютъ то или



СТРАНИЦА ВЕСЬМА РѢДКАГО ОТДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ ТРАГЕДІИ СУМАРОКОВА «ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ», ХРАНЯЩАГОСЯ ВЪ ИМПЕРАТ. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКѢ ВЪ СПБ.

другое положеніе или предположеніе по вопросу — кто былъ Димитрій.

Особенно посчастливилось Димитрію въ драматической

литературѣ, которая дала рядъ выдающихся произведеній о загадочномъ царѣ. Мы имѣемъ болѣе двадцати театральныхъ пьесъ, героемъ которыхъ является Димитрій — то въ видѣ истиннаго сына царя Іоанна Грознаго, то въ видѣ безвѣстнаго проходимца, то въ видѣ честнаго благороднаго юноши, твердо вѣрившаго въ свое царское происхожденіе, то въ видѣ обманщика, ловко сумѣвшаго ввести въ заблужденіе современниковъ.

Первая такого рода пьеса была написана въ Испаніи, еще при жизни Димитрія, въ 1605 году, и поставлена на сцену тотчасъ послѣ его гибели. Это была драма знаменитаго испанскаго писателя Лопе-де-Вега. Въ ней Димитрій изображенъ истиннымъ царевичемъ, чудесно спасшимся отъ рукъ убійцъ. За этой драмой въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ слѣдуютъ три другія пьесы, изображавшія судьбу Димитрія, — французскія и итальянскія, французская опера Жонсьера, п. з. «Димитрій» и др. Въ 1803 г. великій германскій писатель Шиллеръ, заинтересовавшись личностью и исторіей Димитрія, началъ писать трагедію, въ которой предполагалъ вывести судьбу Димитрія. Трагедія осталась неоконченною, но и въ неоконченномъ своемъ видѣ она считается однимъ изъ выдающихся произведеній драматической литературы. Шиллеръ вывелъ Димитрія твердо вѣрившимъ въ свое царское происхожденіе, увѣреннымъ въ томъ, что онъ сынъ царя Іоанна Грознаго, и узнавшимъ лишь во время своего похода въ Москву, что онъ сынъ простой служанки царевича Димитрія, товарищъ игръ настоящаго Димитрія, воспитанный убійцею послѣдняго. Но, какъ изображаетъ Шиллеръ дальнѣйшую судьбу Димитрія, мнимый царь, подъ вліяніемъ честолюбія, узнавъ тайну своего происхожденія, продол-

жаетъ роль царевича, хотя онъ и мучится своимъ самозванствомъ.

Послѣ Шиллера, личность Димитрія въ одной Германіи послужила болѣе десяти писателямъ темою для драмъ и трагедій, частью самостоятельныхъ, частью составляю-

ПИМЕНЪ-ЛѢТОПИСЕЦЪ И ИНОКЪ ГРИШКА ОТРЕПЬЕВЪ.
Картина К. Лебедева.

щихъ попытку закончить великую трагедію Шиллера (изъ болѣе извѣстныхъ писателей эту тему разрабатывали Боденштедтъ и Лаубе).

Германъ Гриммъ въ своей драмѣ выводитъ двухъ Димитріевъ: истиннаго, дѣйствительно спасшагося царевича, и Самозванца и описываетъ борьбу между ними. А Фридрихъ Геббель рисуетъ Димитрія убѣжденнымъ въ своемъ царскомъ происхожденіи и узнавшимъ о томъ, что онъ

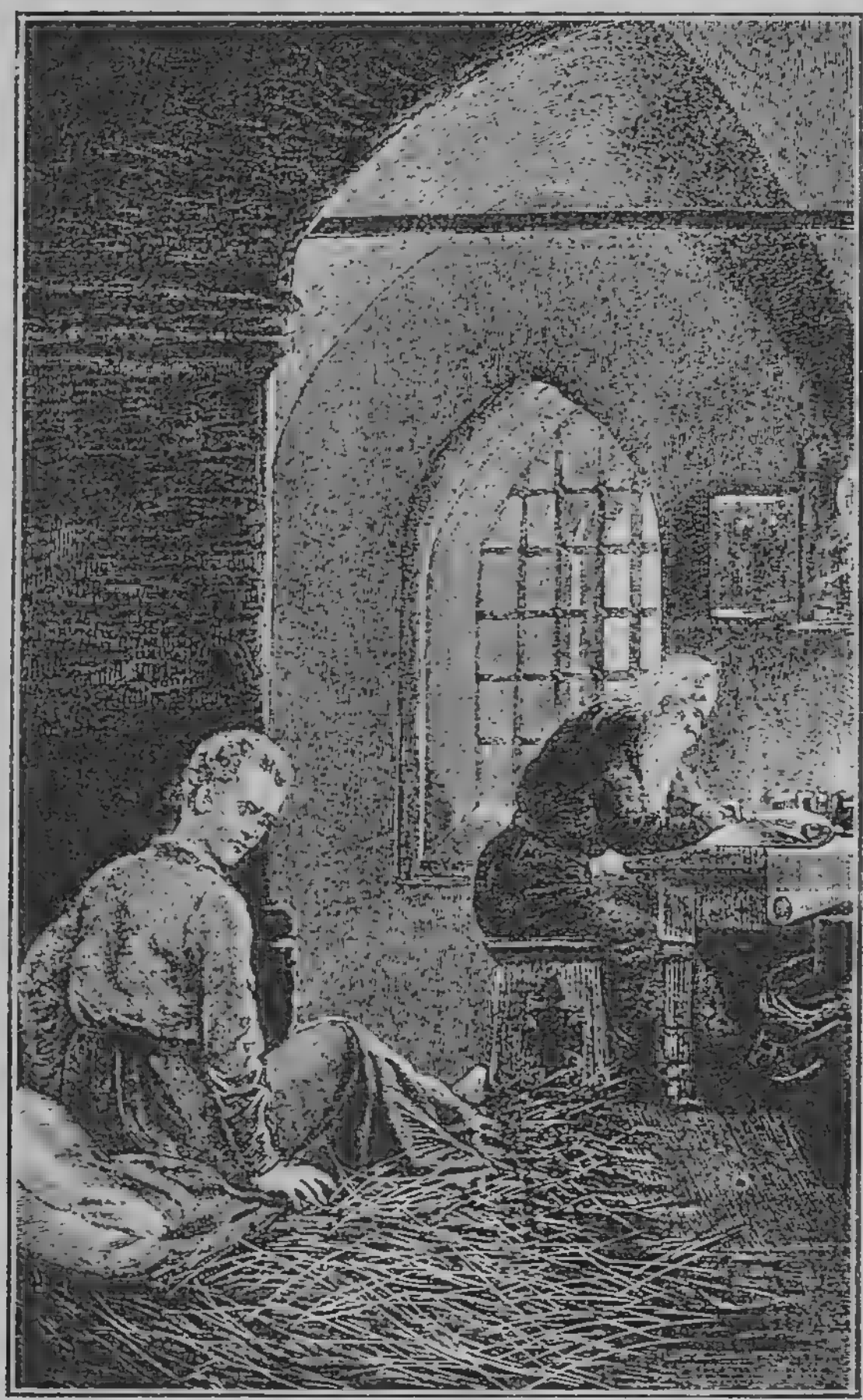
не царевичъ, отъ собственной матери, бѣдной старушки Варвары; но ради Марины Мнишекъ онъ рѣшается до поры до времени носить «царскую маску» и выдавать себя за царевича. Изъ другихъ нѣмецкихъ писателей, Отто Сиверсъ тоже изображаетъ Димитрія человѣкомъ убѣжденнымъ, что онъ истинный царевичъ; узнавъ же тайну своего происхожденія, онъ говоритъ: «Такъ пусть же будетъ такъ! Я стану обманщикомъ,—но чтобы творить добро! Пусть кровь во мнѣ не царская, но будутъ царя достойны всѣ мои дѣянья!»

Въ Россіи первую трагедію о Димитріѣ написалъ Сумароковъ въ 1771 г., затѣмъ Нарѣжный въ 1800 г. и др.

Сумароковскій Димитрій «отечества смертельная былъ рана», «убійца и тиранъ», завѣдомый обманщикъ-монахъ, отлично знавшій, что онъ не царскій сынъ.

У Пушкина, въ его знаменитой драмѣ «Борисъ Годуновъ» (озаглавленной первоначально «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ»), Димитрій—Гришка Отрепьевъ, бѣглый инокъ Чудова монастыря, самозванецъ, рѣшившій выдавать себя за царевича Димитрія, авантюристъ-удалецъ. Въ объясненіи съ Мариной Мнишекъ, онъ признается, что онъ «бѣдный черноризецъ; монашескою неволею скучая, подъ клобукомъ свой замыселъ отважный обдумалъ и Димитріемъ назвался», но онъ считаетъ, что «тѣнь Грознаго его усыновила, Димитріемъ изъ гроба нарекла». Онъ москвичъ природный и скорбитъ, что въ походѣ его на Москву «кровь русская потечетъ»; скорбитъ, что «Литву позвалъ на Москву», что «въ красную Москву кажетъ врагамъ завѣтную дорогу». Выступаетъ самозванецъ у Пушкина впервые инокомъ въ Чудовомъ монастырѣ рядомъ съ отцомъ Пименомъ, который въ «тем-

ной кельѣ доносъ ужасный пишетъ на Бориса Годунова». Инокъ разсказываетъ о «проклятомъ» снѣ, который онъ



ДИМИТРІЙ ВЪ КЕЛЬѢ МОНАХА ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ.
Иллюстрація М. Малышева, къ «Борису Годунову» Пушкина

видитъ третій разъ: ему снилось, что лѣстница крутая вела его на башню въ Москвѣ; внизу народъ на пло-

щади кипѣлъ и на него указывалъ со смѣхомъ... Онъ завидуетъ старому монаху, который весело провелъ свою молодость, воевалъ подъ Казанью, видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна... «Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ и пировать за Царской трапезой?»—жалуется онъ и затѣмъ разспрашиваетъ у старика Пимена подробности о смерти царевича Димитрія. И тутъ у него уже созрѣваетъ мысль выдать себя за Димитрія. Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ, изъ разговора Пимена съ Патріархомъ видно, что онъ сказалъ «буду Царемъ на Москвѣ» и убѣжалъ изъ монастыря. За нимъ посланы пристава, которые настигаютъ его въ корчмѣ на Литовской границѣ, но Гришка успѣваетъ бѣжать въ окно, отправляется къ князю Вишневецкому, повѣдаетъ тамъ на одрѣ болѣзни свою тайну, что онъ царевичъ, съ Вишневецкимъ ѣдетъ къ королю Сигизмунду и т. д.

Послѣ Пушкина писали на тему о Димитріѣ трагедіи и драмы: Хомяковъ (1833), Погодинъ (1835), Чаевъ (1864), Островскій (1867), Суворинъ (1894).

А. С. Хомяковъ изображаетъ Димитрія самозванцемъ, знавшимъ, что онъ не царевичъ, но самозванцемъ, по своимъ качествамъ вполнѣ достойнымъ быть царемъ. Онъ русскій, происхожденіемъ, душою, сердцемъ, но опутанъ чужими людьми, поляками и іезуитами, и тщетно пытается разорвать тѣ сѣти, которыми его опутали. Онъ не царскій сынъ, но «благодатью силы помазанъ онъ и духомъ славныхъ дѣлъ» и Іоаннъ «изъ глубины могилы ему завѣщалъ державный свой удѣлъ». О своемъ самозванствѣ онъ говоритъ: «Что мертвецу до имени? Не правда-ль? Не встанетъ онъ, чтобъ допрошать живыхъ и требовать свое названіе; а если бы изъ гроба онъ возсталъ и допросилъ, то смѣлый похититель сказалъ бы ему: «Твое я

имя взялъ, но я его прославилъ и сіяньемъ и яркими лучами увѣнчалъ; ты былъ забытъ въ своей могилѣ темной, я оживилъ и воскресилъ тебя для чуднаго безсмертія, для славы, для громкихъ пѣсенъ будущихъ вѣковъ», — и сердитый житель гроба смягчился бы и тихой рукой благословилъ бы преемника на подвигъ».

ШУЙСКІЙ, ЗАКОВАННЫЙ ВЪ ЦѢПЯХЪ, ОПРАВДЫВАЕТСЯ ПЕРЕДЪ ДИМИТРІЕМЪ ВЪ ВОЗВОДИМОЙ НА НЕГО КЛЕВЕТѢ ВЪ САМОЗВАНСТВѢ.
Рисунокъ А. Земцова къ драмѣ Островскаго «Димитрій Самозванецъ».

Димитрій А. Н. Островскаго въ его драматической хроникѣ «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» самъ не знаетъ кто онъ, но увѣренъ, что если онъ не настоящій, подлинный Димитрій, то «сынъ любви иль прихоти царской» и что въ немъ «не простая течетъ кровь». Передъ трономъ Грознаго, въ Золотой палаткѣ, Димитрій Островскаго въ монологѣ говоритъ: «Царскимъ

сыномъ я назвался не самъ. Твои бояре меня царевичемъ назвали и съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ въ Польшу на береженье отдали. Не самъ я на Русь пошелъ; на смѣну Годунова давно зоветъ меня твоя столица». Съ первого же своего появленія въ Москвѣ Димитрій вызываетъ сомнѣніе у народа, а Василій Шуйскій старается убѣдить всѣхъ, что онъ «бродяга безымянный, душой полякъ», но впервые уличаетъ Димитрія открыто въ самозванствѣ приказный дьякъ Осиповъ, который, приготовившись постомъ и молитвой къ вѣрной смерти, худой и изможденный, врывается во дворецъ и въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и бояръ бросаетъ Димитрію обвиненіе въ самозванствѣ. Въ послѣдней сценѣ, передъ смертью, Димитрій говоритъ заговорщикамъ: «Зачѣмъ меня вы прежде не убили, пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы? Зачѣмъ меня на царство допустили и дали мнѣ извѣдать сладость власти!»

А. С. Суворинъ въ своей драмѣ «Царь Димитрій Самозванецъ и Царевна Ксенія» представляетъ Димитрія человѣкомъ несомнѣнно русскимъ, до конца жизни вѣрящимъ въ свое царское происхожденіе, и заставляетъ его дѣйствовать, какъ прирожденнаго царя, а не какъ самозванца. «Я царь вашъ Димитрій Ивановичъ, сынъ Ивана Васильевича. Вы вѣнчали меня на царство,— говоритъ Суворинскій Димитрій, — развѣ Богъ допустилъ бы меня вѣнчаться передъ лицомъ Его, въ храмѣ Его? Разсудите. Онъ поразилъ бы меня громомъ небеснымъ...» Но, говоритъ онъ же въ разговорѣ съ Ксеніею, «крамольникамъ хочется, чтобы я былъ самозванецъ, полякъ, литвинъ, монахъ, самъ сатана, исчадье преисподней,—только не сынъ царя Ивана, не Димитрій. Ихъ зависти, ихъ злобѣ это надо. Противно имъ, что я

уменъ и силенъ, что цѣлой головой я выше ихъ». Чтобы убѣдить всѣхъ, что онъ не Гришка Отрепьевъ, за котораго выдаетъ его Борисъ Годуновъ, Димитрій велитъ

ДИМИТРІЙ И МАРИНА МНИШЕКЪ ВЪ САДУ ДВОРЦА ВЪ САМБОРѢ.
Рис. Галактіонова къ роману Булгарина «Димитрій Самозванецъ».

приставшаго къ нему въ Кіевѣ Гришку «послать куда-нибудь подальше», стать же съ нимъ на очную ставку въ Москвѣ и показывать его глупцамъ—считаетъ постыднымъ.

«Димитрій Самозванецъ» Н. А. Чаева—сознательный

самозванецъ, хорошо знавшій, что онъ не царскій сынъ. Но онъ не Отрепьевъ, и не боярами созданный царь—его посадили на престолъ іезуиты, и онъ сознаетъ, что «не понадобься онъ отцамъ святымъ, пожалуй и не быть бы ему на царствѣ».

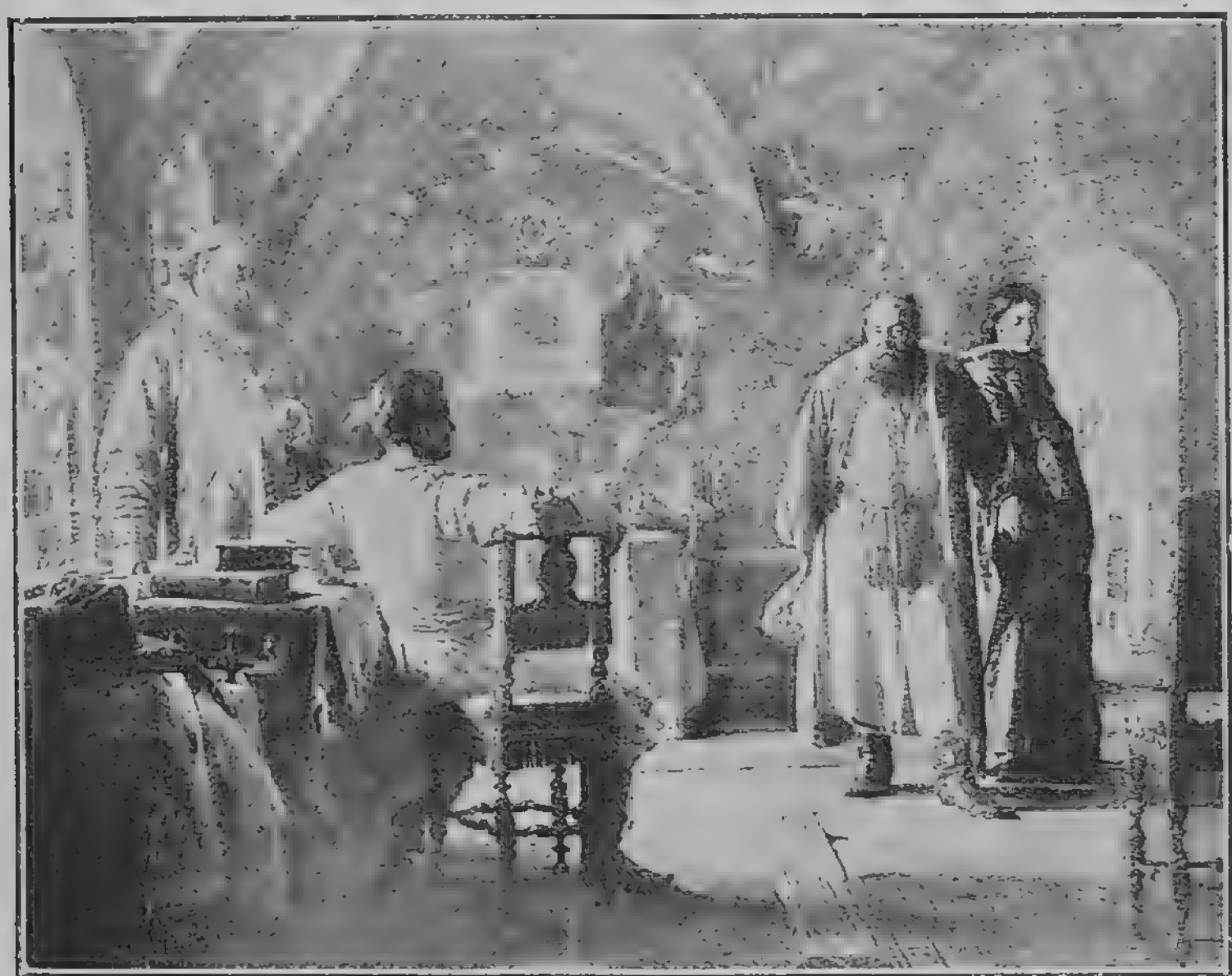
Упоминаетъ о Димитріѣ графъ А. К. Толстой въ своей драмѣ «Царь Борисъ»; но самъ Димитрій въ этой драмѣ не появляется, а играетъ лишь роль таинственнаго и грознаго призрака, несущаго гибель Годунову. Какъ смотрѣлъ А. К. Толстой на Димитрія видно изъ словъ царицы Марѳы: «Мой сынъ убитъ. Судьба другого сына послала мнѣ—его я принимаю! Димитріемъ зову его! Приди, приди ко мнѣ, воскресшій мой Димитрій! Приди убійцу свергнуть твоего!..»

Кромѣ того Димитрій фигурируетъ въ драмѣ гр. А. А. Голенищева-Кутузова «Смута», и въ народной пьесѣ Н. Пушкарева «Ксенія и Лжедимитрій». Въ послѣдней выведенъ эпизодъ изъ жизни Димитрія, когда къ вѣнчанному царю, послѣ убійства сына и вдовы Бориса Годунова, приводятъ дочь умершаго царя, Ксенію Годунову. Сама пьеса начинается сценою въ замкѣ воеводы, гдѣ готовятся подвергнуть смертной казни слугу за убійство и этотъ слуга вдругъ заявляетъ, что онъ московскій царевичъ.

Новѣйшій авторъ драмы о Димитріѣ, польскій писатель Адольфъ Новачинскій, пьеса котораго была поставлена въ 1911 г. въ польскомъ театрѣ въ Петербургѣ, хотя и называетъ ее «Царь Самозванецъ», но не рѣшаетъ вопроса, былъ ли Димитрій на самомъ дѣлѣ самозванецъ, или же—сынъ Грознаго. Всѣ поступки его, однако, такіе, какъ будто онъ на самомъ дѣлѣ сынъ царя Іоанна Васильевича. Другой польскій писатель Іосифъ Шуйскій въ

своей драмѣ выводитъ Димитрія, какъ сознательнаго самозванца, явившагося изъ Москвы въ Польшу и воспитаннаго затѣмъ поляками.

Что касается романовъ, сюжетомъ для которыхъ послужилъ Димитрій I, то первый такой романъ былъ на-



ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КСЕНІИ ГОДУНОВОЙ, ДОЧЕРИ ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА, ДИМИТРІЮ I.

Картина Н. П. Неврева.

писанъ въ началѣ XVIII вѣка французскимъ писателемъ Ла-Рошеллемъ. Изъ русскихъ писателей особенно извѣстны, какъ авторы романовъ и повѣстей изъ жизни Димитрія, Булгаринъ, Мордовцевъ, Полевой, Авенаріусъ, а для юношества исторію Димитрія обработывали въ беллетристической формѣ Авенаріусъ, Разинъ, Чарская и др. И во всѣхъ

почти беллетристическихъ произведеніяхъ Димитрій выставляется простымъ самозванцемъ, монахомъ-разстригою, всѣмъ успѣхомъ своего замысла обязаннымъ полякамъ.

XX.

О портретахъ Димитрія I.

«ПОРТРЕТЪ Самозванца—есть важный историческій фактъ: кто только на него взглянетъ, тотъ сейчасъ убѣдится, что Лжедимитрій былъ не русскій; черты лица его явно говорятъ, что онъ былъ литвинъ».

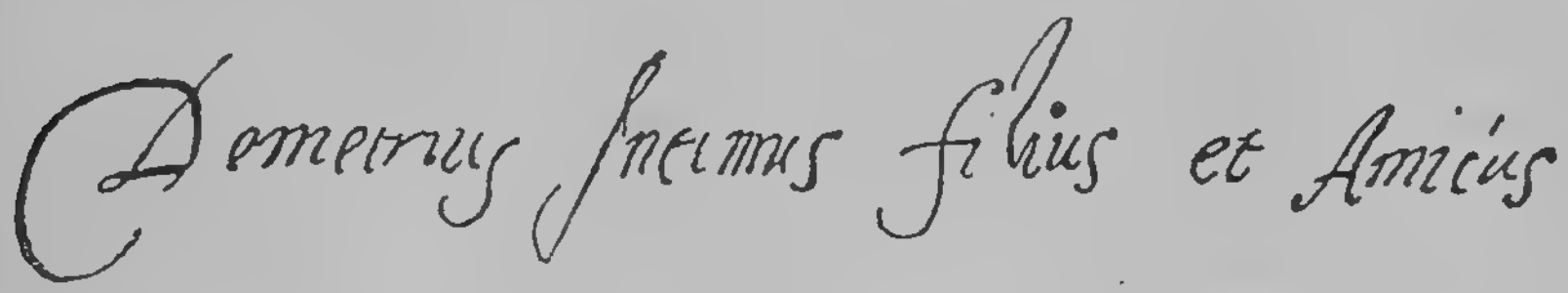
Такъ писалъ князь М. А. Оболенскій, одинъ изъ изслѣдователей Смутнаго времени.

Приведенныя слова относятся къ древнѣйшему изъ извѣстныхъ портретовъ Димитрія, гравированному Лукою Киліаномъ въ Аугсбургѣ—вообще одному изъ наиболѣе распространенныхъ портретовъ Димитрія.

Сумароковъ, помѣщая снимокъ съ этого портрета при своей драмѣ и подчеркивая, что онъ былъ гравированъ, «когда Димитрій былъ на россійскомъ престолѣ» и гравированъ «не яко портретъ Самозванца, но яко Государя московскаго, котораго будто Всевышній возвелъ на тронъ ради просвѣщенія россійскаго народа», полагаетъ, «что сіе изображеніе по всѣмъ обстоятельствамъ вѣрное». А французскій писатель Просперъ Мериме находитъ въ лицѣ Димитрія, какъ его изобразилъ Киліанъ, «рѣзкій славянскій типъ, соединенный съ выраженіемъ твердости и замѣчательной энергіи».

Киліановскій портретъ—не единственный современный портретъ Димитрія: кромѣ этого портрета, сохранилось

еще нѣсколько другихъ, тоже гравированныхъ или писанныхъ при жизни Димитрія. Такъ одинъ изъ подобныхъ портретовъ приложенъ къ польской брошюрѣ 1605 года, изданной въ Краковѣ въ память обрученія Марины Мнишекъ съ Димитріемъ. Затѣмъ сохранился портретъ Димитрія, рисованный въ 1606 г. польскимъ художникомъ Францемъ Спядецкимъ, а въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Спб. хранится подлинная современная гравюра, изображающая Димитрія въ царскомъ одѣяніи и мономаховой шапкѣ-коронѣ. Кромѣ того въ Дармштадской Публичной библіотекѣ находится акварельный портретъ



подпись димитрія I.

По Погодину.

Димитрія, въ рукописномъ сборникѣ «Thesaurus picturarum», составленномъ въ 1572—1620 гг., а во Флоренціи, въ Палаццо Питти виситъ портретъ масляными красками, считающійся тоже портретомъ Димитрія.

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ и изслѣдователей гравюръ, Ровинскій, дѣлитъ дошедшіе до насъ современные портреты Димитрія на два основныхъ типа: одинъ—приложенный къ упомянутой краковской поздравительной брошюрѣ въ 1605 году, другой, гравированный извѣстнымъ аугсбургскимъ граверомъ XVII вѣка Лукою Киліаномъ въ 1606 г.—наиболѣе, по его мнѣнію, схожій.

Что послѣдній портретъ дѣйствительно можно считать наиболѣе схожимъ, указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что онъ имѣетъ наибольшее сходство съ портретомъ Димитрія масляными красками, найденнымъ

въ Вишневецкомъ замкѣ и находящимся теперь въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, и съ изображеніемъ Димитрія на несомнѣнно современной картинѣ, представляющей пріемъ польскихъ пословъ въ торжественной аудіенціи въ Москвѣ въ 1606 году, каковая картина находится въ Пештскомъ музеѣ.

Сходство Киліановскаго портрета подтверждаетъ кромѣ того еще и изображеніе Димитрія на медали, отчеканенной, по предположенію, въ Польшѣ, въ память коронованія Димитрія или т. н. «Лжедимитріевомъ рублѣ», который раздавали въ Москвѣ народу послѣ обряда вѣнчанія загадочнаго царя *). Подтверждаютъ, наконецъ, сходство портрета Киліана сохранившіяся описанія внѣшности Димитрія въ запискахъ современниковъ—русскихъ и иностранцевъ, согласно которымъ Димитрій былъ сильный и широкоплечій человѣкъ, мрачный и задумчивый, безъ бороды и усовъ, лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши большія, длинныя, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы и крупныя черты, одна рука короче другой. Къ этому описанію слѣдуетъ еще прибавить слова современника Димитрія князя Катырева-Ростовскаго, что «разстрига возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы толсты, лицо же имѣя не царскаго достоянія; препростое обличіе имѣя, чело же его велми помрачено».

Но кромѣ несомнѣнно болѣе или менѣе схожихъ портретовъ Димитрія сохранились портреты его, рисованные при его жизни, не имѣющіе никакого сходства. Такъ на одномъ портретѣ, работы Іоде, онъ изображенъ уже пожилымъ мужчиною, съ огромными усами, между тѣмъ какъ извѣстно, что у Димитрія было лицо бритое, безъ

*) См. *Либровичъ*. Лжедимитріевъ рубль. Жив. Рос. 1902. 100.

КОРОНОВАНІЕ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.

Картина XVII вѣка, находящаяся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.

усовъ и бороды. Существованіе этого фантастическаго портрета объясняется тѣмъ, что на Западѣ очень интересовались загадочнымъ появленіемъ и какъ бы воскресеніемъ изъ мертвыхъ царевича Димитрія, и художникъ, чтобы удовлетворить спросъ на его портретъ, просто изъ головы нарисовалъ его изображеніе, выдавая его за подлинное изображеніе Димитрія.

Ни Киліановскій портретъ, ни другія изображенія Димитрія не даютъ и не могутъ дать отвѣта—кто онъ былъ, и даже къ какой національности онъ принадлежалъ, такъ какъ характерныхъ, типичныхъ чертъ, опредѣляющихъ ту или другую націю, въ нихъ нѣтъ.

Художники, писавшіе картины изъ жизни Димитрія, какъ уже указано, придерживались всѣ типа Киліана и изображали лицо царя-самозванца именно въ томъ самомъ видѣ, какъ оно представлено на киліановской гравюрѣ, съ незначительными лишь отступленіями. Таковъ Димитрій на картинѣ Неврева «Представленіе Ксеніи Годуновой Димитрію Самозванцу»; таковъ типъ Димитрія на картинѣ Королева «Димитрій I на тронѣ», на картинѣ Венига «Димитрій въ ночь на 17 мая 1606 г., на картинѣ Мясоѣдова «Бѣгство Гришки Отрепьева изъ корчмы» (снимки со всѣхъ этихъ картинъ помѣщены въ настоящей книгѣ). Таковъ также портретъ Димитрія, находящійся въ музеѣ Щукина въ Москвѣ *).

Сообразно съ этимъ установилось обще-принятое представленіе о внѣшнемъ обликѣ Димитрія, того именно типа, какъ онъ представленъ на гравюрѣ Киліана.

---

*) См. *Либровичъ*. Щукинскій портретъ Димитрія Самозванца. Жив. Рос. 1902. 102.

XXI.

Выводы и заключеніе.

Какъ ни многочисленны труды и изслѣдованія о Димитріи I, какъ много ни написано о немъ научныхъ монографій, какъ ни старались раскрыть тайну его происхожденія и ученые историки, и драматурги, и беллетристы—личность человѣка, царствовавшаго подъ именемъ Димитрія, такъ и остается загадкою, вызывая все еще споры и разногласія историковъ.

Но все же ученымъ изслѣдователямъ удалось выяснить много изъ тѣхъ странныхъ, туманныхъ обстоятельствъ, съ которыми связана исторія появленія Димитрія. И на вопросъ—царь-ли былъ Димитрій I или не царь, т. е. былъ-ли онъ дѣйствительно сыномъ царя Іоанна Грознаго, спасшимся въ Угличѣ отъ смерти—историческая наука теперь, въ лицѣ большинства новѣйшихъ историковъ, съ увѣренностью отвѣчаетъ: нѣтъ, Димитрій не былъ сыномъ Грознаго, не былъ и сыномъ короля Стефана Баторія *) и вообще не былъ лицомъ царскаго или королевскаго происхожденія—онъ былъ сыномъ русскаго боярина, московскимъ человѣкомъ, выдаваемымъ за спасеннаго царевича. Въ связи съ такимъ опредѣленнымъ взглядомъ, высказывается учеными твердое убѣжденіе, что хранящіяся въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, привезенныя изъ Углича, мощи царевича Димитрія, котораго православная церковь причислила къ лику святыхъ мучениковъ,—это безспорно мощи истиннаго углицкаго царевича и что всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи, вы-

*) Подробному разбору легенды о мнимомъ происхожденіи Димитрія отъ Баторія посвящена мною отдѣльная книга п. з. «Неполомицкій царевичъ», Спб. 1903.

сказываемыя лѣтъ 30 назадъ въ нѣкоторыхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, потеряли почву.

Но этимъ не ограничиваются достигнутые научными изслѣдованіями результаты: благодаря тщательнымъ изысканіямъ, можно считать доказаннымъ, что тотъ, кто царствовалъ подъ именемъ Димитрія, появился на русской исторической сценѣ не велѣніями папскаго престола или подъ вліяніемъ польскихъ интригъ, но волею московскихъ людей, которые были пособниками его затѣи, и что поляки, въ лицѣ Мнишека и его сторонниковъ, лишь воспользовались замысломъ, придуманнымъ въ самой Москвѣ и помогли осуществленію московской затѣи. Кто же были московскіе люди, создавшіе Димитрія? По однимъ даннымъ это были родовитые бояре; по другимъ же—виновниковъ появленія Димитрія слѣдуетъ искать между дьяками и приказными московскихъ приказовъ, въ средѣ мелкихъ служилыхъ людей; по третьимъ—Димитрія создали всѣ сословія московскаго общества: и духовенство, и дьяки, дворяне, все московское государство было участникомъ интриги. И только единичные историки продолжаютъ настаивать на томъ, что называвшій себя Димитріемъ былъ человѣкомъ не русскаго происхожденія и созданіемъ польской, католической интриги, «сдѣлавшей» его царемъ.

Самый вопросъ о томъ, кто именно былъ называвшій себя Димитріемъ, пройдя цѣлый рядъ разнородныхъ взглядовъ, вернулся къ первоначальному русскому преданію, согласно которому подъ именемъ Димитрія I Іоанновича на московскомъ престолѣ сидѣлъ галицкій сынъ боярскій Юрій Богдановъ Отрепьевъ, изъ рода Нелидовыхъ, предки котораго были выходцами изъ Польши, потомками сына «мужа знатнаго короны Польскіе» Владислава «зъ Нилска

Нелидовскаго», переселившагося въ Москву и, съ переходомъ въ подданство московскаго царя, принявшаго фамилію Отрепьева. Но, по однимъ указаніямъ—Димитрій былъ на самомъ дѣлѣ монахъ Григорій Отрепьевъ; по другимъ—неизвѣстный юноша, только выросшій и воспитанный въ семьѣ Отрепьева подъ именемъ Григорія Отрепьева.

Какъ однако ни тщательны и убѣдительны историческія изысканія въ этомъ отношеніи, еще и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ историковъ сохранилась вѣра въ подлинность Димитрія.

Во всякомъ случаѣ,—послѣднее слово о происхожденіи и личности Димитрія I въ исторической наукѣ еще не сказано. Если, спустя 300 лѣтъ послѣ его гибели, удалось разыскать новые, неизвѣстные, архивные документы, если, спустя три вѣка послѣ загадочнаго царствованія, удалось такъ много внести новаго въ исторію Самозванца, то можно предполагать, что пройдутъ годы, и историки-изслѣдователи вернутся опять къ изученію этой странной и загадочной личности и къ выясненію ея таинственнаго происхожденія и найдутъ неизвѣстные до сихъ поръ, достовѣрные документы, которые прольютъ еще больше свѣта на эту темную страницу русской исторіи.

КОНЕЦЪ.

Книга № 34
Цена